

ВЕТЕР И КРЫЛЬЯ

Старые дороги

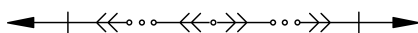
Новые мосты

Перекрестки

Развязанные узлы

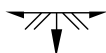
КОЛДОВСКИЕ МИРЫ

ГАЛИНА
ГОНЧАРОВА

ВЕТЕР И КРЫЛЬЯ

НОВЫЕ МОСТЫ

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г65

Разработка серийного оформления *О. Закис*

Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

Гончарова, Галина Дмитриевна.
Г65 Ветер и крылья. Новые мосты / Галина Гончарова. — Москва : Эксмо, 2023. — 480 с. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-04-168721-2

Мия и Адриенна продолжают свой путь.

Трепещет Эврона — на ее улицах появилось чудовище. Убийца, которой безразличны чужие жизни и судьбы. Она готова нести смерть везде, всюду, любому человеку. Главное, чтобы за это платили.

Постигает сложную купеческую науку Лоренцо — и ни на миг не забывает о своей любви к Адриенне. Увы, сделать ей предложение он не может, а девушка никогда не ответит ему взаимностью. Но вдруг?..

Плетет интриги эданна Франческа. Чахнет у ее ног влюбленный принц. Ах, ей бы родить, но если бог не дает детей? Тогда надо обращаться к Дьяволу.

Адриенна спокойно живет в Сиблевране. Спокойно ли? Сбежавшая эданна, покушение на убийство, разбойники — не такая уж и тихая эта провинция. Но жить надо. И жить достойно. Так, чтобы летать, а не ползать.

Справятся ли девушки с этой задачей?

Кто знает...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168721-2

© Гончарова Г.Д., текст, 2023
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Адриенна

Как уж там в столице, девушка не знала. А в Сиблевране зима выдалась снежная, ветреная... выглядываешь из окна — и видишь сугробы, сугробы, а потом опять и снова сугробы. Красивые, белоснежные, большие — и непроходимые хоть для конного, хоть для пешего.

А еще над сугробами летит поземка, срывает у них макушки, закручивает снежную крупу, и видятся в ее полете то облака, то драконы, то мифические герои...

Красиво. На это можно смотреть часами из окна. А потом пойти и погреться.

В такие дни приятно сидеть у очага, протягивать к огню руки, о чем-то разговаривать с близкими людьми, может быть, отпивать маленькими глоточками горячий глинтвейн — не ради алкоголя, просто для настроения. Можно и ягодный взвар, тоже вкусно.

Раньше Адриенна так вечера и проводила. А сейчас вот появление эданны Сусанны поделило Сиблевран на две части. И в одной остались эданна, ее муж и сын. А в другой сама Адриенна. И дан Рокко, который любил составлять ей компанию.

«Хотите верить, дана, хотите — нет, — как-то сознался он в приступе откровенности, — хорошо рядом с вами. Словно солнышко греет. И легче становится. Я ведь помирать готовился, а сейчас чую — еще лет пять, но про-

живу. Глядишь, еще и на вашей свадьбе погуляю, коли позволите».

Что могла ответить на эту откровенность Адриенна? Сказать, что так проявляется кровь Морганы? Что она — свет, здоровье и счастье для своих людей? И пока дан Рокко на ее землях, он тоже под ее защитой? Лучше уж не рисковать. Она просто от души порадовалась за хорошего человека.

Зима...

Что может выгнать человека из дома в такую погоду?

Нужда, беда, болезнь и голод. То, с чем лучше не стелкиваться.

Никто и не ждал, и не гадал, но когда в ворота замка постучали... открыты, конечно, пришлось. Не сами ворота, калитку, ворота так замело, что часа два расчищать придется. Что еще остается? А уж когда из телеги выбралась измученная женщина с мальчиком и оба упали на колени почти посреди двора...

Кое-как зашли — и силы кончились. Само осознание, что они здесь, что добрались, что в безопасности... Впрочем, в безопасности ли? Им просто очень повезло.

Адриенна как раз была занята на конюшне, но голос эданны Сусанны расслышала бы через любые стены.

— Это что еще такое?! Кто позволил привезти эту грязь в мой замок?! Выпороть всех!!! И выкинуть!!!

Как не выйти ради такого?

А еще — ради унижения эданны Сусанны. Злила она Адриенну и раздражала, до бешенства, до белых глаз, до стиснутых кулачков. И Адриенна с удовольствием делала эданне гадости при первой же возможности.

Сусанна в долгу не оставалась, война раскручивалась, втягивая в себя новых и старых обитателей Сиб-Леврана, и сейчас намечалась очередная битва.

Услышав шум, Адриенна поплотнее закуталась и выглянула во двор. Не любила она холод. Вот не любила — и все тут! Но кони ждать не будут, показалось старшему

конюху, что у гнедого подозрительная проплешина... ага, подозрительная!

Если даешь коня идиотке — так хоть оседлай по-человечески! Конечно, один из ремней и натер...

Адриенна ругалась, смазывая воспаление специальной мазью. Конюхи почтительно внимали, хотя ничего крамольного девушка не говорила — не подобает. Но хозяйка ведь!

И как коней понимает!

Ходили в их среде слухи, что есть, мол, *конское слово*.

Кто его знать будет, того все лошади будут слушаться, словно родного. Вот не иначе как его дане и шепнули. К ней любой конь бежит, разве что хвостом не виляет! Вызвать бы, да кто ж поделится? И на том спасибо, что дана сама ручки запачкать не брезгает!

Адриенна натолкнулась взглядом на Рино — парня из деревни, который подрабатывал извозом. И на две фигурки посреди двора.

Такие... безнадежные.

Женщина прижимала к себе маленького ребенка, словно закрывая от гнева эданны Сусанны, а тот уткнулся в ее одежду. Вцепился, притих...

Это же мама!

Она его от любой беды защитит, правда?

Только вот и мама на ногах чудом Божьим держится, и малыш скоро свалится...

Ругаться на дворе Адриенна не стала.

Наклонилась.

Снежок так удачно скруглился в ладони... и прямо-таки в цель уложился, сбив с эданны кокетливую меховую шапочку.

Та заткнулась на полуслове. Да никто и не спешил ни хватать, ни пороть... это еще чей тут замок? И что дана Адриенна скажет? А пуще того — дан Рокко? Дан Марк — тот жене потакать будет, так он ведь и не хозяин. До конца-то...

— Ай! — неблагородно взвизгнула эданна. Развернулась — и получила вторым снежком в грудь. Надо бы в лицо, да Адриенна промазала побоялась, выбрала цель покрупнее. Хорошо еще, первый раз попала, куда целилась!

И словами добавила. Так, для доходчивости:

— Не смей распоряжаться в моем доме!

— Ты! — взвизгнула эданна.

Она бы с удовольствием поругалась на тему «кто в доме хозяйка», но Адриенна уже не обращала на нее внимания. Она быстрым шагом шла к женщине с ребенком.

— Имя?

— Эданна Джачинта Леони. Мой сын — дан Анжело Леони.

Адриенна кивнула. Кто это такие, чего им надо — потом разберемся. И так понятно, что они сюда явились не от хорошей жизни. И расспрашивать их посреди двора — скотство. Поэтому...

— Вы измучены и не стоите на ногах. Рино!

— Слушаю, дана? — подскочил возчик.

— Видишь — эданна на ногах не стоит? Сопроводи ее в залу, сам иди на кухню, выпей горячего и скажи кухарке, пусть найдут тебе место переночевать. Ну и ужин, конечно. На сколько вы договаривались?

— Так это... четыре сольди.

— Эданна их отдала?

— Нет пока, дана Адриенна.

Адриенна молча достала из кармана серебряный дарий.

— Тебе. Чтобы не трепал зря языком. И лошадку устрой, через калитку она пройдет, а пока ворота откопают... сам видишь!

Надо бы откопать. Но припасов хватало, последний подвоз был чуть не десять дней назад, следующий — еще дней через пять, Адриенна и махнула рукой. Чего

их каждый день откапывать? Тогда уж один раз почи-
стят... ладно, теперь — два.

— Спасибо, дана!

Рино аж подскочил на месте, подхватил на руки мальчишку, не особо вежливо толкнул под локоть пассажирку, чтобы та вцепилась в его плечо, и потащил обоих в залу. Благо преотлично знал и что, и где. Не раз грузы возил.

Адриенна повернулась к эданне Сусанне.

Хотелось сказать многое. И что не стоит распоряжаться в чужом доме, и что эданна здесь никто, и что придет пора, она отсюда вылетит как пробка... Да, и обозвать ее покрепче тоже хотелось.

Вместо этого Адриенна прищурила глаза:

— Еще один такой случай — урежу содержание.

— Не посмеешь!

— Еще как. Это мой замок. Мои люди. Мое право. Не понимаешь словами, будем разъяснять лоринами.

Эданна Сусанна аж задохнулась от возмущения.

Она зачем замуж выходила?!

Чтобы поместье, чтобы деньги, чтобы спокойствие... и что?! Какая-то сопля ее самого ценного лишает, понимаешь! И ведь ничем ее не остановишь.

Адриенна не стала ждать, пока эданна отплюется от застрявшего в горле возмущения. Она прошла в замок, в общую залу.

Там было жарко и уютно, горел огонь в большом камине, а гостя и ее сын уже сидели неподалеку от очага, на удобных лавках. И в руках у них были чашки с бульоном.

Рози хлопотала вокруг, приговаривая, что сразу после долгого голода много кушать нельзя, так что пусть эданна не упрямится. И молочка им горяченького нельзя, а вот простоквашка вкусенькая на кухне есть. Ее на ночь точно можно, и сыра кусочек...

Гости сосредоточенно пили.

Адриенна пока приглядывалась.

А красивая гостья. Среднего роста, но хорошо сложена, волосы рыжеватые, глаза большие, карие, личико бледное, сейчас настолько, что веснушки на переносице выделяются четко и ясно.

Мальчик?

Ее копия. Только у матери волосы рыжие с каштановым оттенком, а у него каштановые с легким уклоном в рыжину. Лет пяти-шести на вид. Симпатичный, но худой, аж на просвет видно. И одеты они не так чтобы дорого. Тепло, добротню, но это крестьянская одежда. Шерсть, сукно, кожа...

Даны предпочли бы бархат, меха... здесь этого нет.

И все же Адриенна косу готова была дать на отрезание — это дана. Она не лжет.

Но почему здесь и в таком виде?

Адриенна дождалась, пока гости выпьют бульон, и только тогда присела напротив.

— Эданна Леони? Мое имя Адриенна СибЛевран. Вы сейчас гости в моем замке. Добро пожаловать.

И так это прозвучало для измученной невзгодами женщины...

Успокойтесь. Вы в безопасности. Я помогу...

Джачинта всхлипнула — и едва не залилась слезами. Адриенна помешала, вовремя заметив опасные признаки. Вот не надо сейчас истерики, сначала расскажите, зачем приехали, а потом плакать будете.

— Эданна, минуту.

— А?

Тон у хозяйки был такой, что остановился бы даже конь на всем скаку.

— Эданна, сначала объясните мне, что привело вас в СибЛевран. А потом я устрою вас на ночлег — и вы сможете дать волю слезам. Пока же не пугайте сына.

Другие бы слова, может, и не подействовали. Но сын!

Ради него Джачинта позволила бы себе руку отпилить! А уж сдержат истерику... какую еще истерику? Она спокойна! И слез никаких нет, и голос не дрожит, вот!

— Мое девичье имя Джачинта Вентурини.

Тут Адриенне и гадать не пришлось:

— Вы дочь дана Рокко?

— Да...

— М-да...

Адриенна подумала, что дане (эданне) явно не повезло. За стол с гостями ей точно садиться не стоит. Это ж надо так подгадать?

В любой другой день, в любое другое время дан Рокко прекрасно бы и увидел, и услышал дочь, и отвратительной сцены во дворе не случилось бы. Но вчера дан переоценил свои силы.

То ли перегулял, то ли оделся недостаточно тепло... в результате его свалила вульгарная простуда, которая проявилась уже вечером соплями, чиханием и легким жаром. Кто-то и лечиться бы не стал, начихав на болезнь, но дан Рокко себе такой вольности не разрешил. Не с его здоровьем. И он лежал в кровати. Пил подогретое вино с травами, спал...

Не слышал он ничего по техническим причинам. И окна его не туда выходили, и скорее всего он именно что спал.

— Что с отцом?! Он жив?! Умоляю!!!

— Жив, здоров... то есть не вполне здоров. Простыл вчера. Марко!

Долго звать и искать не пришлось.

— Что, дана?

— Слетай к дану Рокко, спроси, может ли он принять гостей? Важных? И уже взглядом оцени состояние. Если ему плохо, то цыц! Не смей тогда ничего говорить до завтра-послезавтра! Дочь там, не дочь... дан Рокко Вентурини Адриенне был дороже неизвестной эданны с ее интересами и проблемами.

Марко все понял и умчался. Адриенна погладила бедолажную эданну по руке:

— Успокойтесь. Мы вас в любом случае не выставим на улицу. Вы в безопасности.

— Я...

— А вот о ваших делах сначала стоит рассказать отцу, — строго осекла Адриенна.

Эданна Леони оглянулась, увидела эданну Сусанну, которая входила в зал с видом королевы в изгнании, и опустила ресницы. Поняла...

— *Это* еще здесь?

Действительно, рядом с Сусанной, которая была облачена в верхнее платье из бархата винного цвета и нижнее из кремовой тонкой шерсти, Джачинта казалась замарашкой и побирушкой.

— Обязательно скажу дану Вентурини, как вы уважительно отнеслись к его дочери, эданна, — парировала Адриенна. И повернулась к Марко, который влетел в зал.

— Можно, дана.

— Идемте, Джачинта. Идем, Анжело.

Гости поднялись и послушно отправились за хозяйкой.

Оставлять родственников наедине Адриенна не собиралась. Пусть сначала дан Рокко ее об этом попросит.

* * *

Дан Рокко таких глупостей говорить не собирался. Он отлично понимал, что Адриенна его главный друг и союзник. Более того, она хозяйка замка. Здесь ее право — и его сила.

Что бы ни случилось с его дочерью — расхлебывать им совместно. А удачно ли расхлебается?

Это и от Адриенны зависит во многом.

Поэтому дочь он встретил улыбкой:

— Чинта! Анжело!

И обернулся к Адриенне:

— Дана Риен, я надеюсь, вы нас не бросите? — И снова дочери: — От Риен у меня секретов нет.

Джачинта покосилась на дану, но поняла, что выбора у нее тоже нет.

— Папа... ох, папочка...

— Что случилось, Чинта? Не трать время на слезы, рассказывай...

Джачинта усилием воли взяла себя в руки. Вытерла те капельки, что уже брызнули из глаз, и коротко так, часа на полтора, поведала свою историю.

Адриенна слушала.

Терялась, конечно, в подробностях, но слушала.

Анжело поступил умнее всех. Он залез на кровать, под бочок к деду, да и придремал там. Тепло, сытно, спокойно — что еще надо малышу? Только ощущение безопасности. Комната, где звучит и мамин голос, и голос деда, где обнимают надежные сильные руки, где нет снега, холода и страха. Сегодня он будет спать без кошмаров.

Если выжать из истории всю лишнюю воду, она была проста, как тряпка.

Джачинта была замужем за даном Леони. Тоже, кстати, Анжело, сына назвали в честь отца. Но во время эпидемии (тут виновато опустила глаза Адриенна) дан Леони умер.

Дан был не из бедных, но и не из богатых. Поместья у него не имелось, а вот дом в городе и паи в торговых делах — были. И был младший брат.

Бартоломео Леони.

Дальше ситуация развивалась, увы, по печальному варианту.

Если кто-то и бывает столь благороден, что приютит вдову брата с ребенком или детьми, поможет, позаботится, поддержит...

Бывает, кто бы спорил! Хороших людей у нас много.

Но вот Бартоломео к ним никак не относился. Понятно, все состояние по завещанию отходило Анжеломладшему. Но!

А если Анжело не доживет до совершеннолетия?

Второго племянника у дана Бартоломео нет. А Джачинта... а ее можно и того... жениться можно. Будет у нее еще трое детей, мигом о первенце забудет, по принципу: «Бог дал — Бог взял».

Это если вкратце. А если описывать все поползновения Бартоломео в сторону молоденькой вдовы, все его домогательства, все попытки убить Анжело...

А попытки были.

Не впрямую, нет.

Но открыть у ребенка окно, когда тот болеет, — запросто.

Предложить покататься на лошадке, на которую и взрослому садиться страшно...

Сводить на ярмарку и потерять... чудом малыш нашел дорогу. Чудом Господним...

После ярмарки Джачинта и поняла, что рано или поздно ее сына изведут. Не одним, так другим способом. До того еще можно было что-то списать на глупость или случайность. А вот на ярмарке... три раза случайности — это уже закономерности. Сообразив это, Чинта решила не оставаться рядом с подлецом.

Благо дело происходило в столице. Отец уехал, но куда — она отлично знала. Подготовилась, взяла деньги и драгоценности, что попали под руку, — и вперед. К сожалению, попало ей мало, потому что Бартоломео все держал у себя, в тайнике. Но хоть что-то...

Джачинту гнал вперед страх за сына.

Деньги она, увы, не рассчитала. Там пришлось заплатить больше, здесь... К тому же она не рассчитывала на благородство Бартоломео. Будут ее преследовать и искать?

Да обязательно!

На то, чтобы сбить погоню со следа, тоже нужны были деньги. Она наняла еще двух женщин с рыжими детьми, и все выехали из столицы в один день, только в разных направлениях. Две другие вернутся потихоньку. Джачинта — нет.

Дан Рокко выслушал весь этот слезоразлив. Подумал. А потом слез с кровати.

— Залезай, дочка.

— Отец?

— Ты сегодня спишь здесь. А я посплю на кушетке...

— Но...

— Ложись и спи. Мы тебя не выдадим, но обговаривать план действий будем завтра. Ты себя еще слишком плохо чувствуешь.

С этим Джачинта и не спорила.

Плохо? Это еще слишком мягко сказано! Отвратительно она себя чувствует, чудом еще на ногах стоит. Если б не сын, давно бы ее косточки под кустом вороны расклевали.

Она залезла под одеяло как была, едва скинув обувь, притянула к себе поближе сына, который почуял мать и уткнулся лицом в родную теплую грудь, — и уже через минуту в спальне сопели два носа. А дан Рокко вопросительно смотрел на Адриенну:

— Дана?

— Предлагаю поговорить у вас в кабинете, — махнула рукой Адриенна. — Пусть спят, не будем им мешать.

* * *

В кабинете Адриенна уселась в кресло и побарабанила пальцами по подлокотнику:

— Дан Рокко, у нас сложная ситуация.

— Это верно, дана.

— Давайте я все изложу, а вы мне объясните, где я не права. Итак, у нас есть ваши дочь и внук. Но опека над ними у Бартоломео. Вам ее никто не отдаст. Разве что

ехать в столицу, кидаться королю в ноги... Теоретически я могу попросить. Но практически — когда придет мое письмо? Что потребует его величество за свое покровительство? И... кто будет первым? Бартоломео или письмо?

— Я бы поставил на Бартоломео. Я его видел... он неглуп и достаточно настойчив.

Адриенна продолжила барабанить пальцами:

— Тогда сложности увеличиваются. Если он приезжает и требует отдать ему Чинту — мы вынуждены отдать. Так?

— Особенно если он сразу приедет со стражей. Он может.

— Люблю умных врагов. На обед. Что мы могли бы сделать? Первое — король. Но время, время...

— Согласен.

— Мы все равно напишем его величеству, изложим эту ситуацию. Но решение придется принимать раньше. Не говоря уж о том, что у нас в тылу предатели. Эданна Сусанна и глазом не моргнет, даже если вашу дочь у нее на глазах удавят. Кстати, за похищение сына и наследника от его опекуна... что Чинте полагается?

— Три года тюрьмы.

— Вообще замечательно. Плюсуюм еще и шантаж. Мой отец, Леонардо... никто не вступится. Так что вариант с королем отпадает. Можно бы спустить на вашего... Леони собак. Или волков.

— Увы, это вряд ли.

— Знаю. Силовое решение проблемы мне недоступно. — Адриенна даже порадовалась себе. Вот как она уже выражается! Не зря дан Рокко ей законы вдальблывал. — Не в моем возрасте. Увы.

Было у нее подозрение насчет волков. Но... страшновато.

Допустим, она пойдет в лес. Найдет там волков. И даже поймет, что им надо. А волки точно поймут, что

Ей от них надо? Или предпочтут слопать того, кто поближе? Адриенна не считала серых хищников дураками и рисковать не желала.

— Согласен.

— Мы могли бы выдать вашу дочь замуж. Но вашего внука это из-под удара не выведет.

— Увы.

— Мы в тупике?

— Практически, дана, практически.

Адриенна подняла брови:

— То есть?

— Существует вариант, при котором Бартоломео сам отказывается от опекунства.

— У нас нет таких рычагов давления. Или есть?

— Я попробую, — с сомнением сказал дан Рокко. — Кое-что у меня есть, но подозреваю, этого будет мало для полноценного шантажа.

Адриенна сосредоточенно думала. Вспоминала законы.

— Минутку, дан Рокко. Кажется... если Бартоломео сойдет с ума, его лишат опекунства? Безумец ведь не может быть опекуном мальчика?

— Нет. Но...

— Я знаю, есть травы, которые вызывают помутнение сознания. А у нас в деревне есть знахарка. Тетка Ата...

— Ага, — уловил дан Рокко. — Но ведь это ненадолго?

Адриенна покривилась:

— Странное поведение благородного дана должны удостоверить три благородных свидетеля. И у нас как раз они есть. Я, увы, не могу, но вы — можете. Мой отец может. Леонардо — может.

— Дана?

— А СибЛевран выдержит этот расход.

— Дана!

И столько благодарности было в голосе пожилого человека. Столько тепла...

Дан Рокко отлично понял, что сейчас сделала Адриенна. Она просто приняла его дочь, как свою. Поверила, подумала, как решить ее проблемы... мало?

Вот так, первый раз в жизни видя Чинту и ее сына. Это дан Рокко знал, что дочка не врет, а вот Адриенна этого знать не могла.

И все же — помогает.

Адриенна лукаво улыбнулась:

— Дан Рокко, предлагаю вам сегодня отдохнуть как следует. Завтра у нас будет тяжелый день.

— Безусловно, дана.

— Вы меня не поняли, дан Рокко. Нам предоставлять отчеты его величеству. А вам думать, как выкроить из бюджета деньги на взятки. Думаю, это не меньше двухсот лоринов...

Дан Рокко оценил:

— Спасибо вам, дана. Я отслужу. Клянусь.

Адриенна серьезно посмотрела на пожилого усталого мужчину:

— Я, Адриенна Сиблевран, принимаю вашу клятву. Обещаю не требовать от вас ничего, противного чести и совести.

И... показалось им?

Да чушь, конечно, кто б спорил! Зима же и ночь!

Но где-то там, далеко, за окном, хрипло и отчетливо каркнул ворон.

Мия

Что за зеркала, которые отражают метаморфов в их истинном облике?

Почему ее видно в серебряном зеркале мастера Сальвадори?

Кстати говоря — откуда вообще взялись метаморфы? Мать Мие так и не смогла ответить на этот вопрос, увы. А узнать очень хотелось.

Что творится на Линдано?

Куда вообще пропал знаменитый мастер?

Чье наследство распродает дан Джанмария Дуранте?

Вот на последний вопрос Мие было ответить легче и проще всего. Последнее время она не гуляла по городу: что она там забыла? Последнее время она охотилась.

Узнать, где находится особняк дана Дуранте, было несложно. Есть люди, у людей есть языки, у Мии есть деньги. Эти категории прекрасно сочетаются.

Мия не могла расспрашивать напрямую, дядя не понял бы. Но вот с утра потолкаться на рынке... понятно, не в своем облике.

Мия готовилась заранее, отрабатывая личину перед зеркалом. Обычным, не мастера Сальвадори.

Мальчишка-нищий получилась на славу. Укорачивались и темнели волосы, становясь из золотых грязно-соломенными. Цвет глаз Мия сильно не меняла, ладно уж. Только разрез. Менялась форма губ — с полных на узкие и сжатые, нос — на длинный и хрящеватый, с приплюснутым кончиком.

Исчезли и так незаметные глазу округлости и выпуклости, а остальное придется корректировать одеждой. Здесь подложить, там уплотнить...

Одежду Мия менять на себе не могла. Большой минус для ее целей.

А как хорошо бы!

Одна мысль — и ты в платье! Вторая — и ты в штанах! Но, кажется, так даже прабабка не могла. Мама рассказывала, та использовала двусторонние платья, чтобы мгновенно поменять наряд. Скинуть верхнее платье, вывернуть — и уже внешность изменилась.

Пододевала под юбку штаны. Для той же цели.

Мия так пока не могла. Надо будет потом обсудить с дядей гардероб, а сейчас у Мии было только то, что положено юной дане из хорошей семьи. Если требовалось что-то сверх, дядя сам приносил одежду.

Мия над этим раньше не задумывалась, а вот сейчас, когда что-то понадобилось ей, да так, чтобы дядя не узнал...

А ведь она и правда у Джакомо как на ладони. Неприятное ощущение.

Мия решила подумать над этим потом, а пока узнать, что можно, про дана Дуранте. Но не успела и появиться на рынке. Дядя пришел к ней первым.

— Мия, у нас наметилось хорошее дело. Хочешь заработать денег?

— Сколько? — тут же уточнила девушка.

— Ну... лоринов сто.

— А что за дело?

— Недавно умер один из самых богатых людей столицы. Дан Кармело Мартино.

— И оставил наследство? — догадалась Мия. Хотя было бы о чем догадываться. Если человек умер, то за ним кто-то наверняка что-то да наследует.

— Наследство там невероятно богатое. Старик всю жизнь собирал антиквариат, у него была богатейшая коллекция, а наследник, мот и ничтожество, сейчас ее распродает.

— А как зовут наследника?

— Джанмария Дуранте.

Мия даже ахнула от неожиданности. И дядя тут же впился в нее глазами:

— Мия?

Девушка уже знала, что отпираться не стоит. А зачем? Что такого она сделала?

— Дядя, я просто недавно заходила в одну лавку. И купила там несколько приятных безделушек... вот, зеркальце, кулончик... хотела к нему еще серьги, спросила, кто продал украшение, и мне сказали про дана Дуранте.

— Что за лавка?

— Кажется, «Товары с кораблей», — сморщила носик Мия. — Не помню точно... показать могу. Сходим? От нефритовых сережек я бы не отказалась.

Джакомо улыбнулся и потрепал племянницу по голове. В тот день за ней как раз следили, так что про лавку он знал, но раз девочка рассказала все сама? Чего настаивать?

Обычный бабский поход по магазинам.

— Полагаю, серьги тоже есть. Ты не хочешь посмотреть дома у самого дана Дуранте? Обещаю, если они найдутся... никто тебе выворачивать карманы не станет.

Мия прищурилась:

— И как я должна это сделать?

— Сколько ты можешь удерживать личину? Уже часа два?

Мия кивнула.

На самом-то деле и больше, но тут многое зависело и от изменений, и от внешних условий... может, и больше. А может, и меньше. Красноглазое острозубое чудовище со змеями вместо волос (да, Мия изучала мифологию!) вообще продержалось минут пять, а головную боль по себе на весь день оставило. Хотя никаких змей там так и так не было, просто косички приняли такой вид. И не извивались, а просто лежали на плечах.

— Тогда нет ничего сложного.

— А можно услышать, что именно не составит для меня сложностей? — невинным тоном поинтересовалась Мия.

— Можно. У него в доме есть любвеобильная служанка. Кстати, не намного крупнее тебя. Недавно за ней начал ухаживать один из наших людей. Выманит дуреху, оглушим, потом ты переоденешься в ее одежду и вернешься в дом. Ночью, когда все будут спать, пройдешь по двору...

— Просто пройду?

— Собаки тебя боятся. Так что не тронут.

Мия хмыкнула:

— Я их тоже боюсь.

Джакомо понял все правильно.

— Мы это учтем, когда будем торговаться. Итак, ты открываешь дверь в дом, открываешь калитку и выпускаешь собак. Они убегают, мы заходим.

— А потом?

— Зависит от тебя. Если ты сможешь подсыпать людям снотворное, они не пострадают... почти. Зачем убивать тех, кто не сопротивляется?

— Всем наверняка не смогу, — задумалась Мия. — И за это только сто лоринов?

— На каждого из вас. Тебе, Энцо, девочкам.

— Дядя, прибавьте нолик. На каждого. И я соглашусь.

— Мия, за такую сумму нам проще нашуметь.

— Не проще, — сощурилась Мия. — Ограбить и убить дана? Искать будут тщательно.

— И что? Это случается регулярно. Даны тоже люди... и потом, это же не живые деньги! Это товар, который надо будет еще пристроить, реализовать так, чтобы не возникло проблем...

— А сто лоринов — это вообще курам на смех. Хорошо, девятьсот. На каждого.

Торговля продолжалась еще около часа. Сошлись на шестистах лоринах. На каждого из Феретти. При чем деньги в банк будут положены сразу же после завершения дела. ДО реализации добычи. И не надо рассказывать, что король Грязного квартала так обеднел! У него и в сто раз больше найдется, надо только потрясти правильно. Да и у вас, дядя...

Разговоров о своих деньгах Джакомо не любил. Так что они с Мией сошлись на указанной сумме, и Джакомо кивнул девушке на шкаф:

— Собирайся. Сходим в таверну из дешевых, посмотришь, кого тебе подменять придется. Послушаешь. Вот верхнее платье. Лицо — ньюра из небогатых. Плащ и обувь внизу.

Мия кивнула.

Белье она оставляла свое. И нижнее платье у нее было подходящее, из простого полотна, но теплое и уютное. А верхнее можно и это надеть.

Испачканное, с прилипшими к подолу кое-где водорослями, с брызгами грызи и рыбьей чешуи...

По одежде тоже можно многое узнать о человеке. Мия это изучала. Сейчас она девчонка из рыбацкой деревни.

Итак, укладываем волосы, как принято на побережье для незамужних, заплетаем косу, заматываем ее в узел на затылке, в него гребень, грубоватый, вырезанный из дерева... На гребень — платок. Сейчас холодно, и ньюры из небогатых поступают именно так. Даны обычно обходятся плащом с капюшоном. И муфтой. Даже небогатые... так принято.

Теперь начинаем менять лицо и тело. Тело — ладно. Можно пододеть кое-что с набивкой в нужных местах, Мия это уже сделала. Можно надеть башмаки на толстой подметке.

Лицо.

Меняется кожа — на загрубевшую, обветренную. Меняются глаза — на голубые, чуточку опухшие, глубоко посаженные, с поросычыми ресницами...

Меняется цвет волос. Теперь они непонятно-темные. И даже руки, которые о многом могут сказать понимающему человеку.

Теперь они с короткими толстыми пальцами, загрузившие, в цыпках...

Мия поморщилась и спустилась вниз.

— Великолепно, детка! — восхитился Джакомо.

И Мие стало приятно. Лесть, конечно. Но как же хорошо, когда признают твои заслуги!

* * *

Название таверны девушку позабавило. И кто их только придумывает?

— «Лиловая свинья». Забавно...

— Название должно быть звонким, броским и запоминающимся, — пожал плечами Джакомо. — Закон торговли. И вывеску нарисовать просто.

Мия хмыкнула.

Что ж. Действительно, «Принцессу эльфов» или «Королевскую милость» не каждый нарисует. А и нарисует — иногда лучше б не рисовали, убивать надо за некоторые художества.

А вот лиловую свинью — запросто. Об этом она и сказала Джакомо.

Дядя неожиданно развеселился:

— И такой случай был. Ты же знаешь, для оформления вывесок нанимают студентов?

— Знаю.

Раздеваться Мия не спешила. И без плаща останешься, потому как его здесь сопрут, и вообще — холодно. По ногам дует, ветер гуляет, от очага хоть и тепло, но его мигом выдувает из входной двери. Дешевая таверна, и этим все сказано.

— Так вот. Нарисовал один бездарный мазила короля. Не учел только, что король мимо проехал... это еще при Филиппо Втором было.

Мия задумчиво кивнула.

Историю династий Джакомо преподавал со своей колокольни. И Эрвлины у него представляли ну вовсе не благородными освободителями, как вещал ньор Луиджи. По словам Джакомо, имел место обычный захват. Даже не самый благородный... Что ж. Бывает всякое. Но первое время, пока Эрвлины не уселись прочно своим задом на чужой трон, они были особенно чувствительны к своему статусу.

— То ли у него король трехглазый получился, то ли шестиногий... сие уже истории неизвестно. Но только по названию и опознать можно было.

— Король обиделся?

— Еще как. Призвал и трактирщика, и художника, первого приказал выпороть, а со второго содрать шкуру и повесить над дверью той самой таверны.

— Фу.

— Говорят, художник орал, что он так видит и это его творческое... мировоззрение, что ли? Нет, не помню. Все равно дело закончилось содранной шкурой.

— Я не знаю о такой таверне.

— Она быстро разорилась. Да и не красит та история короля, вот и стараются не вспоминать.

Пока шел разговор, Джакомо проводил Мию к столу, заказал крабов, принес молотки, которыми надо было разбивать панцири, служанка приволокла плоски с маслом...

Минут десять дядя и племянница сосредоточенно жевали. Разбивали панцири молотками, вытаскивали кусочки мяса, окунали их в плоски с растопленным маслом...

Дешево, конечно. Зато горячо, вкусно и сытно, что и требуется местным клиентам. А потом Джакомо толкнул Мию ногой под стол.

Девушка обратила внимание на дверь.

Девушка, кавалер... все обычно и привычно. Вот на девушку и надо было обратить внимание.

Невысокая, лет пятнадцати, круглолицая, смешливая... явно из деревни... чья-то родственница? Если ее взяли в дом к дану, а не выкинули на панель?

— К тетке приехала. Ты смотри, не отвлекайся.

Мия кивнула.

И смотрела.

Как девушка улыбается, как поправляет прядку волос, как кокетливо стреляет глазками, как разговаривает, благо кавалер усадил ее неподалеку... Даже как натерты у нее щеки мелом и свекольным соком. И свеклой же намазаны губы, и сажей подведены брови. Жуть жуткая, но Мие так еще и легче. Под этой краской морды и не видно.

Зачем?

Мие притворяться два-три часа. Недостаточно просто один раз посмотреть. Надо послушать. Усвоить характерные словечки вроде «здоровычка» и «спасибки», посмотреть на жесты, улыбку, на то, как девчонка вроде бы кокетливо, а на самом деле ужасно глупо хлопает глазами...

Это надо впитать, усвоить, ей предстоит так делать. И Мия честно делила внимание между крабами и служанкой. И только когда та ушла, отвлеклась, заговорила с дядей:

— Как ее хоть зовут?

— Моника Амато.

Мия кивнула.

Что ж. Моника так Моника. Авось и не собьется. Операция была назначена через два дня.

* * *

Столица!

Моника млела от самого слова. От его музыки, от самого значения...

Сто-ли-ца!

Это не их убогие Верхние Пеньки! Это город! Это самый прекрасный город мира! И спасибо тетке — она здесь!

Да, уехать из деревни было хорошо. Там у нее перспектив нет. Никаких. Слово «перспектива» Моника, правда, не знала, но что жить там сложно, это уж факт.

И семнадцать детей в семье, и мамка, которая рожала, как не из себя, и отец, который впахивал, чтобы всю эту ораву обеспечить, но на земле легко не бывает. Работать приходилось со вторых петухов до темноты. Спать — как повезет. Кушать — тоже как повезет.

И на ней вся эта орава детей тоже висела. Старшая ж! Помощница маменькина!

Даже когда младшие подрастать начали, так новые появлялись! И вот несправедливость! У соседки четверо поумирали, а у них — все здоровы! Хоть ты сама подушкой накрывай!

Вечной мамашиной помощницей Монике быть не хотелось, и она нацелилась на Луку, сына старосты. Выйти б за него замуж — и горя не знать, нищеты не нюхать. Но кто ж знал, что он такой подлец?

В любви клялся, платочек подарил, ленту тоже... а потом и на сеновал позвал. Моника и сама не поняла, как там оказалась.

Наверное, потому, что иначе Лука ушел бы к Розке. А это уж вовсе недопустимо.

Увы, сеновал не оказался гарантией счастья. Моника поняла это очень быстро, когда от нее начали отворачиваться деревенские парни, да и девушки. Хранить секрет Лука тоже не счел нужным.

Отец вразумил рыдающую дуру вожжами, но что было делать дальше?

Ребенка не случилось — хоть в этом повезло. Но и замуж в деревне тоже теперь не выйдешь, разве что за нищего вдовца с детьми. Этого уже не хотелось Монике.

Становиться деревенской шлюхой?

Не то чтобы Монике был противен сам путь, но слишком уж неудобно. Вот в городе, говорят, за любовь и деньги дают, и золотые украшения дарят, и дома покупают...

А в деревне что?

Бабы волосы выдрать могут, а мужики разве что куль муки притащат — и будь тем довольна. Нет, так неинтересно...

Приглашение от тетки пришло как нельзя более вовремя.

Сначала тетка приехала в гости. Она уж лет двадцать как работала кухаркой у дана Дуранте. Раньше-то плохо было, денег у дана, считай, и не было, платил через раз, но хоть требовал немного. А сейчас дан разбогател, можно нанять себе помощницу, ну и как тут не порадовать своим?

Моника? А и пусть едет в город, раз в деревне жизни нет. У матери еще дочки подросли, найдется, кому по хозяйству помочь.

Тетка сразу предупредила, что, коли девчонка будет гулять, учить ее будут ухватом. Но и согласилась, что в городе про Луку никто знать не будет, жизнь устраивать надо, а мужиков обманывают с сотворения мира. Склянки с куриной кровью в первую брачную ночь никто еще не отменял. Авось кто и найдется? Подходящий для женитьбы?

Вот и гуляла Моника по городу.

И с Пьетро познакомилась... вот ведь как! Лука тому и в подметки не годился!

Пьетро был веселым, ласковым, подарил золотую цепочку, хоть и тоненькую, но золотую же! Если б мамка увидела и сестры... ой, нет! Не надо! Точно б отобрали!

В деревне никто таких дорогих подарков не делал. Даже у старостихи такого не было.

Но здесь же СТОЛИЦА!

Вот и сейчас Моника вырвала свободный часок и помчалась на встречу с любимым мужчиной. Интересно, куда ее сегодня поведут? Может, Пьетро ей предложение сделает?

А что? Неужто она хуже разных там городских?

Так, размышляя о своем, о женском, Моника и шла на встречу с Пьетро.

Вот и любимый мужчина. Улыбается, дарит ей цветок, обнимает... а потом Моника вдруг поняла, что в глазах темнеет.

Попыталась что-то сказать, шевельнуться — и не смогла. Просто потеряла сознание.

* * *

Пьетро, который вообще-то был вовсе не Пьетро, а Белка, один из подручных Комара, довольно улыбнулся.

Так-то... достала его эта девка до печенок, но коли надо, он потерпит. До поры до времени.

Удав гнилушки не сливает, если он сказал — значит, слушаться придется. Тогда и звенелки будут, и побрякушки, и дело делается. Это знали все подручные Комара.

И слушались.

Последнего, кто решил повыступать, вынесли за дверь со стилетом в глазу. Других недовольных не было. А вот, собственно, и Удав. И девка какая-то с ним. Так себе... тощая, невидная. Белка бы на такую не полез.

— Готова? — покосился Джакомо на тело Моники.

— Жива, дышит, — отчитался Белка. — Чего с ней будет?

— Надеюсь, ничего, — нахмурилась девушка. — Давайте ее раздевать...

Единственное, что позволила себе Мия, — это тонкая шелковая рубашка под самый низ. Вся остальная одежда была от Моники.

Белка наблюдал за этим с сомнением.

Ну, можно переодеть дану в одежду этой шлюхи. Но чтобы выдать одну за другую?

А вы павлина за ворону еще не выдавали? Они же так похожи, ну ТАК похожи! Обе — птицы.

Джакомо помог племяннице все надеть, расправить складки, затянуть и уложить. И поманил Белку за собой:

— Выйдем минут на десять.

— Как скажешь, Удав.

Белка и не собирался спорить. А когда он вернулся минут через десять...

Одна Моника, прикрытая старым плащом, лежала на полу, на соломе.

Вторая стояла над ней и улыбалась. Точь-в-точь как эта деревенская дурица!

— Матерь Божия! — не удержался Белка, который и в церкви-то никогда не был. Кажись, и не крестили его, кому оно на помойке надобно?

— Похожа, ми-илый?

Слова Мия растягивала точь-в-точь как Моника. И улыбалась так же. И даже локон на палец накрутила тем же жестом.

Белка суеверно перекрестился. Девушка подмигнула ему:

— Хорошая краска и парик — наше все!

Белка кивнул. Только вот... кому другому в уши чуши! А то он не видит ничего! А то он слепой!

Нет на девчонке ни грамма краски! Кроме свеклы и мела. Ну и сажи на бровях. Но черты-то!

Сама морда!

Не-ет... такое не подделаешь... нечисть какая, что ли?

Ох, страшно. Белка хоть и резал глотки, словно огурец на завтрак, хоть и лил кровь, как воду, все равно оставался достаточно суеверным парнем. И сейчас дал себе слово зайти в церковь.

Хоть крестик купить, что ли?

Или пусть святой водой попрыскают?

Но было, было у мужчины подозрение, что против этой нечисти ничего не поможет.

Джакомо проводил девушку почти что влюбленным взглядом:

— Хороша! Ты посмотри, как идет! Копия!

Белка послушно поглядел. Кивнул:

— Авось что и сработает. А с той чего делать будем?

— Или по горлу — и в воду, или в заведение мамыши Крюк. Комар сказал — лишь бы потом не всплыла.

— У мамыши не всплывет, — обрадовался Белка.

И быстро, пока Удав не передумал, пошел в комнату с Моникой.

Нет, не из сострадания. И не из милосердия. Просто задохлую девку никто и монеты не даст. Да еще потом труп тащи, да еще живот распарывай, к ногам что привязывай... Белка спокойно убивал, но убирать за собой не любил.

А вот если ее к мамаше Крюк...

Долго она там так и так не проживет, у мамыши бордель для *особых* клиентов. То есть вообще с особенными пристрастиями. Которые могут только или когда избивают, или когда душат, когда убивают... а Белка еще ее попросит особо позаботиться о девчонке.

Так что не больше месяца та протянет, может, вообще дня три-четыре.

Но монета ему за это капнет! А деньги Белка любил. Это он людей ненавидел, а вот лорины — его маленькая слабость. Цвет, звук... даже вкус. Его прелесть!

Хотя за эту деревню больше двух монет и не дадут. Но хоть так... все приятно.

И забегая вперед — примерно так и сложилось. Это в красивых сказках герой спасает девицу ДО использования, или случается землетрясение, благодаря которому девица бежит, или в нее влюбляется главный злодей.

А в жизни...

В жизни все проще и печальнее.

Бордель.

Клиент с интересными пристрастиями.

А потом — люк в подвале, который выходил прямоком на реку. Тела там исчезали совершенно бесследно. Разве что рыбы расплодилось...

Но ее там давно и щедро подкармливали. Так что... в деревне Монику никто не искал и не ждал, а в городе и искать-то было уже некому. Комару и его подручным в очередной раз все сошло с рук.

* * *

Мия прошла по улице.

Шаг она тоже поддельвала под семяющую походочку Моники. Вот и нужный ей дом. Ключи.

Собаки...

Собаки послушно заскулили, поджали хвосты и удрали в дальнюю часть сада. И как их потом выгонять прикажете?

Ладно, разберемся... кусок мяса вон взять, позвать, кинуть — и побегут как миленькие.

— Явилась? — встретила ее недовольным голосом тетка Моники. — Давай живо, тебя посуда ждет не переждет...

Мия молча кивнула и направилась к большому чану с замоченной в нем посудой. Да, вот такие обязанности были у Моники.

Мыть, чистить, убираться... тетка готовила, девчонка скребла все, на что взгляд упадет.

Тетка продолжала ворчать:

— Ишь ты, раскрасилась... учти — в подоле прине-сешь, так выкину взащей...

Мия не обращала внимания на ворчание. Она послушно оттерла посуду, потом перемыла кучу овощей, перечистила их на завтра...

Тетка отвязалась и замолчала.

Мия коснулась снотворного в кармане и подумала, что — увы. Ничего у нее не получится. Дядя хотел, конечно, без лишнего шума, но — как? Как вы это себе представляете?

В доме около десятка человек. Слуги, конюхи, псарь, сам хозяин... и все они будут есть или пить что-то одно и то же? Вряд ли.

Один способ усыпить всех окружающих у Мии был. Лютня. Но до нее еще добраться, на ней еще поиграть всласть, да и засыпают только те, кто слышит музыку. Тоже... она что — Крысолов из известной сказки?

Чтобы идти по дому, а все вокруг засыпали и засыпали?

Ладно, Крысолов за собой людей выманивал. Но ему ж и легче было! Он на дудочке играл! А вы поиграйте

на лютне — в движении? Посмотрим, какой у вас кошачий концерт получится!

Так что Мия послушно мыла, терла и ждала ночи. И дождалась.

* * *

Конечно, спать пришлось на кухне, рядом с теткой. На узенькой лежанке, на матрасе, который по толщине мог поспорить с листом бумаги. Уснуть на таком?

Настолько Мия не устала, право слово.

Пришлось просто лежать бревном и ждать, пока уснет тетка. Вот та захрапела почти мгновенно. Мия поднялась.

Сейчас она выйдет во двор... да, надо кусок мяса с собой прихватить, вот оно, замариновано на завтра...

Девушка подошла к столу. Аккуратно достала нужное... — Моника?

Тетка подняла голову. То ли от прохлады, Мия-то встала, а воздух холодный, одеяло тонкое, они, считай, друг о друга грелись. То ли Мия чем неосторожно брякнула...

Женщина еще ничего не видела, еще не понимала, что происходит, но далеко ли до шума?

Считай — пара секунд.

Тесак, которым резали мясо, словно сам собой оказался в руках у девушки. Движение, удар...

Мия целилась по шее, по шее и попала. А с перерезанным горлом, если что — не слишком-то и поговоришь. Не крикнешь, не поднимешь тревогу. Только вот и все остальное...

Кровь хлынула потоком. Голова женщины откинута назад, в разрезе показалось что-то белое, влажно хлопнуло... и нет. Сразу человек, которого так ранили, не умирает...

С бандитом было иначе, там Мия не видела, не смотрела. А вот здесь...

Убежать никуда не получится. И отвернуться тоже почему-то нельзя. И... эта женщина ничего плохого ей не сделала, она просто жила, работала, любила свою племянницу, а Мия... Мия ее...

Зрелище было настолько омерзительное, что девушка сначала проблевалась в углу, а потом опомнилась. И поняла, что личина с нее сползла, словно снег с крыши.

Так... вернуть на место.

Никто из дядиных подручных ее в настоящем облике не видел — и не надо. Даже туда, где лежала Моника, Мия пришла уже с частичными изменениями. Не тот цвет волос, не те глаза...

Дядя знает, и этого достаточно. Остальным уж точно ни к чему.

Тесак валялся рядом с убитой.

Мия вдохнула, выдохнула... вот сейчас ее затрясло. Бросить бы все, убежать...

Энцо.

Девочки.

Дядя...

Убежать-то можно. А вот что им дальше делать?

Если сейчас она сломается, если сейчас закричит, побежит... кстати — куда? С ней все равно все будет конечно. Она УЖЕ убийца, она уже заслуживает казни. Она уже преступила закон.

Ее не защитят. Единственный, кому она нужна, — ее дядя. И от него сейчас они все зависят. И она, и брат, и сестры. От его доброй воли.

Мысль о близких сработала не хуже любой нюхательной соли. Девушка резко провела ладонями по лицу, словно стирая что-то грязное, заставляя себя не думать, не помнить, вытащила тот самый кусок мяса, открыла кухонную дверь и вышла. Собаки сначала шархнулись, потом почуяли мясо, заскулили... псарь уже спал. Вот и ладненько. Мия спокойно, никого не встретив, дошла

до калитки, отворила ее — и выкинула туда мясо. И отошла подальше. В направлении псов.

Собачья логика была проста.

Здесь — гадкое и страшное существо. Которое даже не человек.

Там — вкусное мясо. И воля!

Какой пес не мечтает хоть раз удрать? И всласть поноситься, где захочется?

Тем более что...

Подручные Комара отлично видели и как открывалась калитка, и как вылетает на улицу мясо, и...

— Выпускай! — махнул рукой один из них.

Идеальное средство. Течная сучка.

Через десять минут ни в саду особняка Дуранте, ни в его окрестностях не осталось ни одной собаки. А мужчины серыми тенями заходили в калитку, скользили дальше, к особняку...

От Моника отлично было известно и сколько слуг в доме, и кто где ночует... Белка все выспросил. Прикинулся влюбленным ревнивцем, ну девка и повелась. Чего б нет?

А ты где спишь? А по ночам к тебе никто не пристаёт? А то небось у вас там и слуги, и стража, и конюхи... Моника разболтала и то, чего не знала.

Серые тени зашли в конюшню.

Серые тени зашли в дом.

В людскую, где спали слуги...

В покои, в которых жил дан Джанмария Дуранте...

Единственное место, в котором правки не требовалось, — это кухня. Жаль, но резня все же состоялась. Не оставлять же живых свидетелей?

Джакомо (а он зашел в числе первых) на кухне выговаривал Мии:

— Ты не могла их усыпить?

— Я дана вообще не видела, конюхи на кухне не появлялись, эта дура вышла к любимому после ужина, —

отрезала Мия. — Если б ДО — другой вопрос, за общим ужином можно и снотворное подсыпать. А так — не-реально.

— Грязно получилось, — вздохнул Джакомо. — Тихо, но грязно.

Мия равнодушно пожала плечами. Вот уж этот вопрос ее не волновал.

— Возьмите да особняк подожгите. И все.

Джакомо кивнул.

Понятно, они так и сделают. Идея хорошая... но сколько ж добра тут сгорит! Хотя самое ценное они заберут.

— Ты отсюда что хочешь взять? Может, какие побрякушки? Или еще что?

— Нефритовые серьги, если найдутся, — тут же напомнила Мия.

— Обязательно. Не в счет твоей доли добычи, обещаю. А еще?

Мия качнула головой:

— Я бы в библиотеке порылась, пока есть время. А так — неинтересно.

— Пока — есть. Комар людей сюда отрядил, выносить много чего будем.

И выносили.

Тащили мешками, тащили сумками и тюками... первым делом в сумки отправились драгоценности. Дана Дуранте сразу убивать не стали. Связали и сейчас аккуратно допрашивали. Аккуратно — не в том смысле, что его берегли. Чего с будущим трупом церемониться? У дана уже и ухо отвалилось, и несколько пальцев...

Аккуратно в том смысле, чтобы не орал. Зачем шум поднимать, людей беспокоить? Пусть спят, нечего мешать ночным трудягам. Им еще столько перетаскать предстоит!

Нашлись и деньги, и побрякушки, и кое-какие интересные шуршалки...

Мия в это время была в библиотеке.

Ее интересовали остров Линдано и мастер Сальвадори. И она не прогадала.

Именно в библиотеке она нашла толстенный гроссбух с записями, что, когда и у кого куплено. Странно?

Да ничуть!

Дан Дуранте в антиквариате вообще не разбирался, продавал ценности чуть ли не по цене материалов, а в книгу даже и не заглядывал. Какая разница, у кого и чего там дядька купил?

Да тьфу на него.

А книга? Так книга же! В библиотеку!

Почерк у покойного антиквара был четким и ясным, Мия листала странички... и чуть зубами не заскрипела.

Зеркало. М. Э. Сальвадори. Шкатулка из палисандрового дерева с инкрустацией перламутром. Набор курительных трубок.

Цена...

Продано — неизвестным. И циферка — один.

Учитывая, что напротив других предметов частенько стояло название лавки или фамилия продавца... значит, кто-то приходил один раз. Как поняла это Мия.

А кто, что...

Говорите, шкатулка?

Набор курительных трубок?

Покойный антиквар человеком был предусмотрительным. И даже описывал, что и куда дел. Напротив зеркала было помечено — главный зал, коллекция.

Напротив курительных трубок — курительная.

Напротив шкатулки — опять курительная. Ага, понятно. Трубки в шкатулке и лежали...

А где тут курительная?

Мия вышла из библиотеки, пошла направо, дергая по дороге все двери... по идее — рядом. Библиотеку, ка-

бинет, курительную — все это делают неподалеку. Вот и отлично...

Курительная нашлась через две двери. Роскошная...

Тут и кресла, тут и шикарные наборы трубок — несколько видов, и кальяны, и что пожелаешь... сугубо мужское гнездо. Мия принялась осматривать шкатулки.

Одна, вторая...

А вот эта — из палисандра. Это она уже могла отличить, пожив в доме купца. Еще как могла. Да и перламутром крышка была только у нее выложена.

Мия хозяйственно открыла ее, убедилась, что трубки на месте, закрыла и забрала. Пригодится.

Что еще себе забрать?

Да как-то ничего особенно и не нужно. Разве что книги какие в библиотеке посмотреть? И нет, Мия не боялась, что ее потом уличат в краже или убийстве. Во-первых, не факт, что кто-то знает все унаследованное имущество наперечет.

Во-вторых, дан Дуранте распродал наследство своего двоюродного деда по всем лавкам. Можно сказать, что она его купила.

Добычей Мии — так, сувениром для девочек, — стали два шикарных молитвенника и четыре книги с легендами и преданиями. Все великолепно выполненные, в инкрустированных переплетах, с потрясающими иллюстрациями, явно нарисованными вручную.

Не книги — произведения искусства.

Что ж. Мия, считай, их спасает. От огня и гибели. Можно собой гордиться.

Джакомо, видя добычу племянницы, не сильно удивился. Разве что...

— А трубки тебе зачем?

— Незачем, — фыркнула девушка. — Мне шкатулка понравилась. Я в ней гребешки хранить буду, те свои, с инкрустацией перламутром. А трубки... Не выкидывать же?

Джакомо кивнул и отвязался. Ему было не до того. Удав распорядился погрузкой самого ценного.

Ну да.

Мало прийти в дом. Надо ж еще определить, что из него забрать! А кто будет определять?

Белка, который как был трущобной крысой, так и остался? Сам Комар?

Ладно... последний уже вырос до размеров ну очень крупной крысы, но в хороших вещах он разбирается плоховато. Это Джакомо, как купеческий зять, отлично знает цену и одного, и второго, и третьего... да, хорошо, что Мия сообразила. В библиотеку тоже бы наведаться. Иные книги сейчас по весу в золоте стоят, а то и по два веса.

А времени мало, так мало...

Джакомо прямо-таки мучения испытывал, глядя на то, сколько всего придется оставить. Но рисковать не стоит.

Это — дан.

Скажем честно, если так получилось, пришел пьяный, свечу столкнул, та загорелась... это — одно. Тут стража попыбует закрыть глаза на происходящее, особенно с некоторой смазкой. Пожар ведь! Кто от такого уберезется?

А вот если найдут особняк с трупами... э, нет! Тут уж снисхождения не жди. Дойдет до короля, тот из принципа прикажет найти негодяев и кишки им размотать. А дойти может.

Это кому-то может показаться, что в столице все сидят за своими заборами и соседей не видят... Как же ж! Первыми вернутся к родному дому псы. Начнут скулить, проситься домой, их никто не пустит, они взбудоражат соседей... это еще хорошо — соседские собаки молчат. Ну, так привыкли.

Если собака начнет на каждый шум у соседа лаять или выть, ее просто пришибут рано или поздно. Ты

знай свой двор береги. А в чужом пусть хоть голяком по крыше ходят — их дело.

Но выть собаки точно начнут. На такое число покойников-то...

Потом еще молочник, мясник, зеленщик...

Это кто попроще идет на рынок и там закупается. Стоило дану Дуранте разбогатеть, как он приказал доставлять ему все на дом.

Он же ДАН!

Ему так положено!

То, что он только и может, что наследство прожигать, что сам он на редкость бесполезное существо, что толку с него меньше, чем с тех собак...

Да вы что?!

Благородные даны — опора трона! Правда, вот эта конкретная опора кроме карт и костей ни в чем интересном замечена не была, но мало ли что? Может, и такое трону пригодится?

Нет, рисковать и оставлять особняк запертым хоть на один день попросту нельзя. Так что тащим, что можем, а остальное подождем.

Вынести тела, а особняк запереть? Мол, уехали куда?

Нереально. Кровь не замоешь, следы не спрячешь. Да и родственники понабегут. Это у кухарки родня в деревне, а у других-то в городе!

Так что...

Грузим, ребяташки, не стесняемся! Грузим!

* * *

Дома Мия уселась перед зеркалом.

Перед зеркалами.

И медленно, очень медленно выдохнула, словно отпуская себя на волю. Приказывая разжаться ледяным тискам внутри.

Сегодня, именно сегодня она стала убийцей.

Для самозащиты не считается. А вот когда по ее вине — себе врать не надо! — именно по ее вине погибли эти несчастные...

Комар все равно нашел бы тропинку в особняк?

Джакомо придумал бы другой план?

Да, безусловно. И Мия осталась бы неиспачканной. Наверное...

А может, они и отступились бы, понимая, что добыча им не по зубам? Мия об этом никогда не узнает. Никогда...

Потому что она виновата.

Она пришла, она открыла двери, она... она убила своими руками.

Снова накатили воспоминания о том, как кухарка бьется на убогом ложе и подняться не может, потому что она уже умирает, она просто не осознала эту смерть, а вокруг кровь, красная, и руки у Мии тоже по локоть в крови...

Почему это произошло с ней?!

За что?!

Чем она таким успела нагрешить?!

Мия тихо застонала. Почему-то даже кричать сил не было, горло стиснуло, словно клещами. Почему, ну почему в ее возрасте даны учатся вышивать и молиться, ждут предложения от будущего супруга, ходят в храм... и все, пожалуй.

А она?

Как получилось, что ее жизнь превратилась вот в это?

С другой стороны... она бы хотела иного? Она бы хотела тишины, покоя, уюта... и чтобы вышивка и молитвы, хозяйство и дети, и так день за днем, день за днем, а потом смерть, которая приходит, словно избавление от затянувшегося кошмара?

Нет. Такого она для себя не желала...

Она не сможет, не сумеет. Еще тогда, когда умирал отец, она приняла все как должное. Она все взяла

на себя, она стала главой семьи, она, а не эданна Фьора. Да и нет у нее выбора.

Никогда не было.

Она метаморф, проклятая Богом тварь, ее просто убьют, если узнают. Так что не будет у нее никогда ни дома, ни детей... ничего не будет. Вот и жалеть не о чем.

Ее бы убили, и эти люди смотрели бы, как ее сжигают или четвертуют. Так почему она должна их любить, уважать, заботиться? Почему?

В природе волк ест зайца, и его никто за это не осуждает. Вот и она себя осуждать не будет. Эти люди — ее добыча.

Ее пища!

Не нравится? А мы посмотрим, кого еще нужно скушать!

Мия нашла гармонию в этом решении. Я вам чужая? Вот и отлично, значит, вы по праву моя пища, потому что я сильнее и хищнее. И не мучила ее больше совесть, и не думала она о несчастных и ни в чем не повинных слугах. Все ее мысли были о неизвестном, который продал шкатулку, трубки и зеркало.

На Линдано она в ближайшее время не попадет. А это... это хоть какой-то след.

Может быть, пустой и зряшный. Тоже вполне возможно. Мало ли кто мог продать зеркало, мало ли к кому оно могло попасть в руки? Мастер Сальвадори для того эти зеркала отливал, чтобы торговать. Но...

Но вдруг?

Ну, хоть что-то интересное?

Мия вытащила трубки, осмотрела каждую на предмет клейм и инициалов. Нет, все девственно-чистые. Кажется, даже необкуренные. Просто лежали.

Красивый набор, но и только.

Шкатулка?

Что ж, и ее стоит осмотреть. И дно, и вообще все...

Мия прощупывала, осматривала, простукивала... ага, как же! Это только в любимых романах девочек обязательно есть и призраки, и тайны, и письма под вторым дном в шкатулке. А в реальности такого не дождешься!

Никто не думает о бедной Мие!

Могли бы хоть записочку оставить...

Так? А это что такое?

Это — чей знак? Или герб?

Мия в жизни не заметила бы его, если бы не подняла бархат, которым было выстлано дно шкатулки. Но... минутку?

Трехлучевая звезда?

Герб... ладно, фирменный знак мастера Сальвадори? Только без букв?

Да ладно! Вы мне хотите сказать, что эти трубки принадлежали мастеру? Для этого они выглядят слишком свеженькими! Или...

Минутку. А могло быть иначе? Мия сняла со стены зеркало, примерила его к шкатулке. А ведь подходит... практически идеально! Вместилось, улеглось, как родное...

Мия потеряла лоб.

Могло ли так быть? Есть трубки, зеркало, шкатулка? Зеркало из нее вынули, трубки положили? Да так и продали?

Но зачем? В чем смысл действия? Разве что зеркало — одно, а трубок несколько? Их неудобно было сваливать кучей? Как-то это нелогично. Но ведь факт! Похоже, что шкатулка и зеркало — парные. А вот трубки доложены уже потом...

Дядя застал Мию над шкатулкой:

— Племянница, ты нефритовые серьги хотела?

— Да, дядя. Неужели попались?

Плевать было Мие на серьги. Но если уж сказала про них, надо играть до конца.

— Конечно. Вот, держи.

В ладони Мии опустились красивые сережки. И верно, подходят к кулону. Мия не удержалась, надела, полюбовалась.

— Прелесть! Спасибо, дядя.

— Собираешься их в шкатулку уложить?

— Мне кажется, там все и так хорошо легло? Разве нет?

— Как родное. А с трубками что делать будешь?

— Не знаю...

— Вообще, тут полный набор. Несколько трубок, разные чашки, мундштуки, ершики, ножики, крышечки — все как полагается. Комплект.

Мия задумчиво кивнула:

— Интересно, а кто мастер?

— Клейм нет?

— Я не нашла.

— Сделано вроде недавно. — Джакомо тоже заинтересовался, повертел трубки в руках. — Мне кажется, такое может сделать только один человек.

— Кто?

— Мастер Гаттини. Фабрицио Гаттини. Кстати, он и клейма на свои трубки не ставит. Ни на одну. Вот смотри, как сделано. Чистенько, аккуратно, изящно даже...

Мия только вздохнула.

Имя мастера ей ни о чем не говорило. Но... она запомнила. Надо бы навеститься, узнать, кому он продал эти трубки. А вдруг?

И кстати...

— Дядя, а когда вы мои деньги отдадите?

Джакомо улыбнулся:

Ну да. Трофеи трофеями, трубки трубками, а деньги — это святое! Племянница! Сразу родная кровь чувствуется.

— Завтра же, дорогая племянница. Завтра же сходим в банк.

— Ловлю на слове.

Ей-ей, Джакомо был горд подрастающим поколением.

Сегодня Мия убила человека, поприствовала при убийстве еще нескольких людей, собрала трофеи, не забыла спросить про деньги... У него чудесная племянница, не правда ли?

Глава 2

Адриенна

И Адриенна, и дан Рокко исходили из того, что времени у них практически нет. Что там могла запутать Джачинта?

Даже не смешно!

Исходя из того, что у противника голова на плечах, а не тыква...

Допустим, он будет поглупее, будет носиться по всем городским воротам, будет кого-то опрашивать... или попросту сядет и подумает? Недолго, так, минут пять.

Куда может податься Джачинта? Притом что за ней наверняка следили и любовника у нее нет? Да к отцу или к сестре! Тоже мне, ребус!

Просто надо еще узнать, куда назначен дан Рокко, а это не афишировалось. Его величество точно не будет давать Бартоломео отчета. Джачинта уверяла, что никто другой о назначении отца не знает. Она и сестрица, она дану Леони ничего не говорила, сестра тоже, надо полагать, молчала. Если кому и сказала, так своему супругу...

Опять же сестра жила ближе. Буквально в трех днях пути.

То, что Джачинту не догнали до сих пор, это просто потому, что одна из найденных ею женщин выехала в нужном направлении. Туда Бартоломео и направился.

Но это ненадолго, доберется до сестры, расскажет «охотничью историю», узнает, куда назначили дана Рокко, и приедет. Прямо сюда.

Так что надо исходить из того, что погоня уже движется по пятам. День, может, два — и дан Леони будет здесь. И выставить его не получится. Придется или идти на открытую ссору, или действовать по намеченному плану. Второе лучше, потому как безопаснее для Джачинты.

С утра дан Рокко еще расспросил дочь, получил те же ответы, что и ранее, и Адриенна отправилась в деревню. Им срочно было нужно снадобье.

Яд?

Честно говоря, не будь в доме эданны Сусанны — Адриенна бы подумала и над этим. Если человек готов ради денег убить беззащитного ребенка, то жить ему всяко не стоит.

Хотя страшновато как-то...

Все внутри Адриенны противилось убийству. Это ведь живой человек... и он когда-то был ребенком, и у него была мама, и раскаяться он может, и что-то осознать. Но только живой.

У мертвых такого шанса нет.

Дан Рокко с Адриенной не спорил — зачем? Он был мудрее и знал: жизнь еще научит дану своей горькой мудрости. Но пусть пока она немножечко еще побудет ребенком. Так что — деревенская знахарка.

А вот и избушка на отшибе. Старая, но крепкая, еще сто лет простоит. Дым из трубы идет. И кажется, что от нее травами пахнет.

— Дана, может, не надо?

Марко эта затея не нравилась.

Адриенна пожала плечами:

— Подожди здесь. Я скоро вернусь.

— А может...

— Марко, я при тебе о своих интимных делах говорить должна?

Марко смутился и отстал. Даже ему Адриенна и дан Рокко всей правды не сказали. И никому не скажут. И так... нет, лучше о таком молчать.

Адриенна спрыгнула с коня, бросила Марко повод и постучала в избушку. Хрипловатый голос отозвался изнутри:

— Входите, коль не шутите.

Адриенна точно не шутила. Толкнула дверь и вошла.

* * *

Знахарка была похожа на знахарку, и в то же время в ней было что-то неправильное. Не простонародное. Не забитое, не деревенское.

Посмотришь — деревенская бабка, старая, сгорбленная, в каких-то лохмотьях... А глаза ясные, острые, умные. Так и блестят среди морщин. И светится в них вовсе не деревенская мудрость.

— День добрый, дана.

Адриенна даже не удивилась. Она тут одна такая на всю округу.

— Здравствуйте. Вы меня знаете?

— На вашей земле живу, — без особой враждебности откликнулась знахарка. — И не знать дану СибЛевран?

— А я вот вашего имени не знаю, — вздохнула Адриенна.

— Когда-то Иларией звали. Сейчас тетка Ата.

— Так и называть?

— А называйте, дана. Имя не сума, руки не оттянет.

— Хорошо... тетушка Ата, — согласилась Адриенна. — Скажите, вы в травах хорошо разбираетесь?

— Приворотного делать не буду. И не умею, да и глупо это.

Адриенна фыркнула:

— Приворотное мне и не нужно. Перебьюсь.

— А что тогда?

— Скажите, есть ли у вас такое средство, чтобы человек... ну, как с ума сошел? Ненадолго только?

— Такое средство у всех есть, самогон называется. — Знахарка подсмеивалась, а сама смотрела испытующе.

Словно ждала чего-то такого от даны... серьезного, важного, очень нужного и самой Адриенне. А это... как испытание. Поймешь, дана? Или разгневаешься?

— Мне бы побыстрее.

— И такое есть. Не для мачехи ли?

Адриенна качнула головой:

— Отец с ней так и так не расстанется. Хоть она на башне голяком танцуй. Это для другого человека, который в беду попал.

Женщина явно сомневалась. Но и выдавать первой же знахарке их с даном Рокко план? На такое Адриенна пойти не могла. Это не ее тайна и не ее дочь. Но она бы тоже на все пошла, чтобы спасти своего внука, разве нет?

Адриенна подняла руку:

— Хотите, на Библии поклянусь? Крест поцелую?

Знахарка внезапно рассмеялась. Весело и живо.

— Ой, уморила, дана! Не могу! На Библии! Да тебе можно просто слово дать — судьба такая.

— Судьба?

— Я уж и не думала, что увижу потомков Высокого Рода. Ан нет, сподобилась.

Адриенна подняла брови:

— Высокого Рода? Что это значит? Вы раньше не видели данов?

— И данов видела, и на короля насмотрелась, чай, не весь век здесь живу, — хмыкнула тетка Ата, отворачиваясь и начиная перебирать какие-то склянки. — Вы что ж, дана, о себе ничего не знаете? Даже чьи потомки Сиблевраны?

— Знаю, — буркнула Адриенна.

— А то колечко-то у вас на руке непростое...

Девушка даже рот открыла:

— Откуда вы знаете о кольце?

— А кто другой его и не приметит. Я уж стара, помирать скоро, вот и вижу.

Адриенна помотала головой:

— Подождите. Что-то я не понимаю...

— Кольцо осталось, память исчезла. Да и была ли та память?

Адриенна подумала, что память весьма даже есть. Очень реальная и осязаемая. Морганой зовут. Но... могла прабабка что-то недоговорить? Запросто! Даже не потому, что хотела причинить вред Адриенне. Просто есть вещи, которые для нее само собой разумеются, а вот для Адриенны — нет.

— Вы не могли бы объяснить? Пожалуйста!

Знахарка только кивнула, насыпая порошки в небольшую ступку и принимаясь растирать их.

— Когда-то на земле жили не только люди. Еще и другие... их называли Высоким Родом. Они были похожи на людей, но даже внешне... Лучше. Красивее, выше, сильнее, мудрее... они учили и лечили, они рассказали о травах и законах. Они — ушли. Но, как я погляжу, не все.

Адриенна кивнула в ответ. Могла ли таковой быть Морганя? Да запросто! Обычные люди не вытворяют того, что она, это уж факт.

— Они могли иметь совместное потомство с людьми?

— И могли, и имели. Кто-то к этому относился как к игре, кто-то серьезно. А кровь — кровь игры не терпела. У кого-то она вырождалась, может, и искорки там уже нет. А у кого-то осталась, сохранилась в полной мере. И проявляется.

— Как именно?

— Силой, дана. Я раньше слышала, что счастье Сибеллина — плодородие земли, а теперь это на вас вижу. Ваши земли всегда счастливы вашей волей...

— Я слышала об этом.

— А о другом? Всякая смерть вам противна. Высокие — хранители жизни, а не слуги смерти.

Адриенна об этом не слышала. Но теперь понимала, почему ей противна охота, почему она не любит казни,

почему даже дана Леони убивать не желает. Если такова ее природа?

С другой стороны... люди всегда одинаковы, и дан Леони обычный человек. А Высокие... они наверняка сталкивались с людьми.

— И они были так незащитны?

Знахарка хмыкнула:

— Говорят, что у них были свои защитники. Умелые, опытные, безжалостные, которые принимают чей угодно облик при необходимости... они тоже ушли вместе с хозяевами.

— Так... — Защитников, увы, не предвиделось. Придется разбираться самой. Но вообще Адриенна верила. Вот пример — Моргана. Наложила проклятие и тут же заплатила за это. — Где подвох?

— Все правильно. Высокий Род может учить, лечить, приносить благодать на свою землю. А вот убивать... лучше не надо. И слово нарушать тоже.

— Я уже, — вспомнила Адриенна эпидемию. — Так получилось... своими руками я не убивала, но люди погибли... наверное, из-за меня.

— Случился выплеск силы, — даже не удивилась знахарка. — Такое бывает, когда Высокие взрослеют. Или когда им плохо, больно... это было неосознанно? Или защищаясь?

— И то и другое, наверное... я действительно была в истерике, не соображала, — созналась Адриенна. — Но вины с меня это не снимает. Люди умирали.

— Не страшно. За это ты не будешь платить. Вина падет на тех, кто напал первым.

Адриенна кивнула. Хорошо, если так. Пусть платят Эрвлины, она это не начинала. Вот уж кого ей не было жалко, так это Филиппо Третьего. Пусть хоть лишаями покроется, хоть проказой. И Четвертого — тоже.

— А слово тебе действительно нарушать нельзя. Вообще.

— Да? — Так получилось, что Адриенне не приходилось врать. Никогда. Но...

— Ты уж мне поверь. Говорят, Высокий Род никогда не лгал. Впрямую. Но двойных смыслов в их речах было...

Знахарка перешла на «ты», видимо, ей так было привычнее. Адриенна не обращала внимания. Ей было важно и интересно.

— Двойных смыслов?

— Слышала сказочку про ученика чародея, который призвал демона?

— Их много таких...

— Демон поклялся служить, пока на небе светит солнце, и убил хозяина, когда оно закатилось. Не на пустом месте сказочка-то появилась...

— Да? — ничего более умного у Адриенны не получилось.

— Уж ты мне поверь. На себе проверять куда как больнее будет. Вам слово нарушать нельзя, и обманывать впрямую тоже, и предавать. Чем за это Высокий Род платил, я не знаю. А потомки... жизнь, здоровье, может, и еще что. Не знаю точно.

Адриенна кивнула:

— Я запомню. Спасибо.

На стол легла золотая монета.

Знахарка улыбнулась:

— А серебра, креста, причастия, церкви — не бойся. Даже когда Высокий Род в силу входил... вы не демоны. Не нечисть. Вы плоть от плоти этой земли. Вы другое, совсем другое...

Адриенна кивнула:

— Я поняла. Скажите, а таких, как я... нас можно как-то отличить?

Знахарка хмыкнула. Подумала пару минут.

— Вряд ли. Не было у Высокого Рода особенных примет, не было ни родинок, ни отметок, как у ведьм. Вы же не ведьмы.

Адриенну это порадовало.

— То есть — никак? Вы видите, а кто не увидит...

— Тому и не надо. Впрямую вас никак не опознать. Не болеете вы ничем, люди рядом с вами хорошо себя чувствуют, земли изобильны... Высокий Род хоть на острове голом оставь, так и там все зазеленеет. Но это не преступление. Это случается...

Адриенна кивнула.

— Внешность? Вы разные... только что на предков похожи, но это и среди людей встречается.

Фу-у-у-у... и тут слава Богу!

— А больше ничего и нет. Никак вас не узнают, если сама не скажешь. Я вижу, ну так я немного другое...

— Вы... вы тоже?

Женщина качнула головой:

— Нет. Я — нет. Я наоборот... дурой я была, дана. Силу хотела, власть, золото, а что платить за это придется, и не подумала. А когда поняла... поздно было. Оно так всегда бывает — слишком поздно.

И замолчала. И было видно, что говорить ей об этом не хочется.

Адриенна медленно склонила голову:

— Спасибо вам, тетушка Ата. Вы мне помогли. Очень.

— Не за что. Ты обращайся, пока я жива, дана. Мне уж недолго осталось, может, весну и не увижу.

— Для умирающей вы очень хорошо выглядите, — качнула головой Адриенна.

— У меня опухоль в груди. Вот здесь. — Знахарка приложила ладонь чуть ниже горла. — Дай руку?

Адриенна послушно протянула ладонь. И ахнула.

Все верно. Под одеждой, под тонкой человеческой кожей билось... нечто. Как будто кусок льда внутри человека положили.

— Ой...

— Я и жива-то потому, что на твоей земле, дана. А это дорогого стоит.

Адриенна задумчиво кивнула:

— Это и к людям относится?

— Да. Люди, животные, сама земля... вы — ее счастье. Ее свет, ее тепло и радость.

— А если... допустим, меня убить?

— Проклятие. На весь род.

— Это кого-то остановит?

— Сложный вопрос. Пострадают и убийца, и заказчик, но тебя, дана, это уже не вернет.

— Понятно.

Знахарка грустно вздохнула.

Понятно ей. Дети-дети, вы так торопитесь взрослеть... зачем? Чтобы потом иступленно мечтать вернуться в детство. Ну, хоть на час, хоть на секунду. И ничем тетка Ата помочь уже не сможет. Разве что предупредить, рассказать... слова — только воздух. Только ветер. Но иногда и ветер может стать ураганом.

— Вот и снадобье. Буквально щепотку в вино — и пусть пьет. Через полчаса и начнется.

— Так...

— Захочешь убить — пять щепоток на бокал вина. Захочешь, чтобы с ума сошел, — пои этим несколько недель. По щепотке в день... никакой лекарь потом не поможет.

Адриенна кивнула:

— Спасибо.

— Это я тебе благодарна, дана. Береги себя — и иди с Богом.

Адриенна дружески попрощалась и вышла за дверь. Кольцо на руке было теплым и родным...

Неужели кто-то еще может его видеть? А если при дворе?

Но единственное, до чего додумалась Адриенна, это заказать еще несколько колец и носить при дворе, не снимая. Авось среди многих одно важное не будет привлекать внимания?

* * *

Пока Адриенна разговаривала со знахаркой, дан Рокко беседовал с мужчинами.

Проще всего было с Леонардо. Сто лоринов — и он соглашался подписать хоть что. Подумаешь, едет сюда какой-то сумасшедший? Ну, бывает... был бы умный, точно бы сюда не поехал из столицы. Там-то всяко веселее, чем в этом захолустье.

С даном Марком чуточку сложнее.

Дан Марк ломался, не хотел ничего подписывать, но дан Рокко легко нашел к нему нужный подход. Чего уж там... надо было только с этим подходом на пять минут наедине остаться.

— Эданна Сусанна?

— Дан Рокко?

Эданна управляющего, мягко говоря, не любила. Но спорить с королевской властью? Ищите дуру в другом месте!

— Сто лоринов лично вам. Пятьдесят вашему супругу.

— И что я должна сделать?

Мурлыканье Сусанны дана Рокко не привлекло. Равно как и кокетливое движение пальчика вдоль выреза платья. Видал он эти виды... их вообще полдвора видало.

— Уговорите мужа подписать бумагу о поведении нашего гостя. О том, что гость безумен. Вы сможете.

Эданна Сусанна в этом и не сомневалась. Ради нее муж что угодно подпишет. Но как не поторговаться?

— Дан Рокко, а кто вам дороже? Родная дочь — или эта наглая сопля?

Дан Рокко улыбнулся милейшим образом:

— Эданна Сусанна, я ведь могу и другой путь найти. Мне, знаете, и жизнь дорога тоже... что со мной недовольный король сделает — представляете?

Эданна представляла. И себе такого не хотела.

— Вот. Что толку выручать дочь, если я свою голову сложу? Деньгами расплатиться — пожалуйста. А чем другим не получится.

Эданна поморщилась. К отказам она не привыкла, но понимала, что дан Рокко отказать может. Она ведь с ним не спала...

— Хорошо. Сто пятьдесят монет золотом. Но еще я хочу арайку.

— Арайку?

— Взамен той, что у меня увела эта наглая гадина!

Дан Рокко вздохнул даже с какой-то обреченностью:

— Эданна Сусанна, зачем вам лошадь, которая тут через два месяца подохнет? Вы же на ней даже покрасоваться не успеете!

— Как — два месяца?

— А вот так! Дан Марк хоть и разбирается в коневодстве, а тоже не сообразил. Арайцы — гости южные, нежные... за ними такой уход нужен, как не за всяким человеком. А кто у нас тут ухаживать будет? Конюхи? Они народ простой, грубый. Да вы и сами знаете...

И хитрый взгляд.

Мол, не зарывайся, у тебя тоже рыло в пуху, да по самые уши...

Эданна осознала и успокоилась:

— Ладно. Сто монет, но сразу же.

Дан Рокко качнул головой:

— Сейчас — двадцать. Остальное после визита.

— Визита? Как хоть зовут этого гостя?

— Бартоломео Леони.

Эданна Сусанна прищурилась. И дан Рокко догадался:

— Эданна, вы... и он...

— Не ваше дело! — рявкнула эданна, начиная нервничать. Ну, было! Чего не сделаешь ради денег? Но и было-то всего раза два или три, ну, четыре... может быть! Но Бартоломео ничего скрывать не будет. Он дан

только по рождению, а так — быдло и скотина. В постели, кстати, тоже.

— Эданна, а я вашему мужу подтверждаю, что у Бартоломео и раньше такое бывало... не заговаривается, так еще чего, — ласковым тоном сообщил дан Рокко.

Это окончательно решило дело.

— Договорились, — кивнула эданна, получила на руки свои двадцать монет и отправилась уговаривать мужа. Надо, надо пожалеть бедную девочку! И ее сына тоже пожалеть надо...

Добрые дела вообще полезны! А если за них еще и платят...

Дан Рокко проводил стерву насмешливым взглядом. Ага, прониклась...

Где же дана Адриенна?

Мия

— Танцуй, детка! Танцуй!

Мия легко, словно в танце, уклонилась от удара. Движение было легким, летящим, почти неощутимым, так пушинка танцует с ветром. Но — ветер не так привередлив.

Старик качнул головой и снова ткнул копьем. На этот раз попал.

— Ой!

— Давай уворачивайся! Ты легкая, ты ловкая, ты должна мои движения заранее угадывать, ты должна изворачиваться, как вода!

Мия засопела.

Да, вот и такое получается.

Дана не обязана? Не подобает? Не положено?

А копьем поперек попы — положено? Знаете, как больно!

Увы, Джакомо был неумолим.

Отмычки? Прелестно, просто прелестно. И отмычки, и замки, и ловкие пальчики, как у карманницы, это

все Мия освоила. Но этого мало! Этого все равно мало! А потому Мия еще и тренировалась с неким Бухалом раз в два дня. Худой и жилистый старик, непонятно, за что получивший такое прозвище, попросту ставил девчонку напротив себя, брал копьё, или хлыст, или кнут — и уворачивайся.

Не покалечит, если что.

Но больно же!

— Не хочу я вот этим... заниматься! Это для Энцо, — ныла Мия.

Джакомо только головой покачал:

— Мия, тебе ведь уже приходилось убивать.

— Ну... да.

— Пойми правильно, не всегда тебя спасет перемена лица, не всегда ты сможешь убежать, не поможет хитрость...

— А вдруг?

Мия понимала, что дядя прав, но...

Ей это все равно не нравилось. Не нравились кожаные штаны и полотняная рубашка, не нравился бег по грязным улицам, где упасть или подвернуть ногу было легче, чем вдохнуть и выдохнуть. Не нравились собственно тренировки.

Она понимала, что становится более гибкой, ловкой, легкой, что это полезно и нужно, но...

Копьем по ребрам — больно!

На диване с вышиванием — приятнее.

А иголкой тоже можно убить человека. Надо только знать, куда ее воткнуть. И об этом Мие тоже рассказывали.

Ее оружие — не клинок. Даже не кинжал — стилет. В крайнем случае, легкая рапира. Но лучше — стилет, спица, иголка, метательные ножи...

Вот и после скачков в круге она стояла и метала ножи в цель. Кстати, это ей нравилось намного больше, чем скакать бешеной обезьяной.

Несбалансированные. Кое-как заточенные. Откровенно дрянные.

Объяснили это просто. А что — у тебя всегда будет идеальное оружие? И самые чудесные условия? Ах нет? Тогда учись на том, что есть, потом будешь работать с тем, что подвернется.

Стойка?

Может, тебе еще и рыцарский турнир устроить? Это для благородных, а твое дело — укусить и уползти. И подальше, и побыстрее, и целой.

Так что... тренируйся и учи уязвимые точки человеческого тела.

Голова — глаза, переносица, виски... еще можно ударить в нос, снизу вверх.

Уши...

Ударишь стилетом в ухо — убьешь. Только угол надо правильный выдержать. А еще можно человека хлопнуть ладонями по ушам, только правильно сложить руки. Тогда только оглушишь...

Шея... сонная артерия, подключичная артерия, ямочка на горле...

Мию учили не просто защищаться. Мию учили убивать. Жестоко и решительно, быстро и качественно. Она пока этого не понимала, но из нее уверенно лепили смертоносное оружие. Тот же стилет, только в человеческом обличье.

А что касается разума...

О, с этим и так не было проблем. Мия не знала, что такое сомнения, не терзалась какой-то непонятной совестью, не думала о моральной стороне вопроса. Она просто делала свое дело и радовалась этому. Заодно и немного денег зарабатывала. Себе, дяде, Комару... довольны были все, кроме ее жертв, но тех никто не спрашивал.

Бросок!

И еще бросок!

Потом она выдернет из мишени все ножи и начнет заново. Рука должна приспособиться, она мгновенно должна определять идеальную траекторию для любого оружия. Мало ли что попадет в руки? Да хоть бы и ложка заточенная... да, и такое тоже бросать доводилось.

Надо работать...

Мия понимала, что несколько раз ее спасло только чудо. Тогда, с бандитом, в паланкине... действительно чудо. Еще бы немного, и... и все. Неизвестно, что бы с ней сделали, но мучилась бы она перед смертью долго, это уж факт. Ей больше не хотелось быть беспомощной.

И если выбирать между своей жизнью и чьей-то еще... никто кроме нее не позаботится о маленьких Феретти. Так что...

Куда там надо попасть?

Очередной клинок воткнулся в глаз нарисованной фигуре.

Следующий отлетел, звякнул по полу.

Мия поморщилась.

Ничего. Она научится. Она еще всему научится.

Адриенна

Долго ждать визита дана Леони не пришлось.

Адриенна как раз находилась внизу, в зале, когда прибежал привратник и доложил, что у ворот стоит небольшой отряд, так, человек десять. А с ними некто дан Леони. И он требует к себе дана Вентурини.

Адриенна поглядела на дана Рокко:

— Дан?

— Одну минуту, милая дана, — тут же согласился старый интриган. И отправился на кухню приводить себя в должный вид. Для умирающего он выглядел подозрительно бодро и живо.

Нельзя же так! И подозрений вызывать тоже нельзя.

Джачинта побелела как мел. Адриенна мимоходом тряхнула ее:

— К себе! И сына успокой!

Анжело тоже выглядел, словно привидение увидел. Мальчишку от одного дядиного имени — и то трясло. А уж чтобы с ним лицом к лицу встретиться...

Не-не-не, такого нам не надо.

— Я долго ждать буду?!

Джачинта подхватила сына и бегом бросилась из зала. Адриенна вздохнула.

Раньше к воротам вышел бы ее отец. Но сейчас дан Марк поглядывал на нее даже со злорадством. Решила, что умная? Что сама справишься? Вот и наслаждайся, мешать не стану!

Адриенна и не спорила. Провела ладонями по платью, разгладила благородный черный бархат. У себя дома она то платье носила очень часто. А уж сегодня, когда ожидаются «гости», сам Бог его надеть велел. Платье подчеркивало синеву глаз, черноту волос, белизну кожи, делало Адриенну старше и благороднее. Жаль, прямо в нем сейчас не выйдешь — холодно. Поэтому Адриенна накинула сверху тяжелый плащ, подбитый волчьим мехом, и вышла из замка.

Верный Марко встал за ее спиной.

Холод ударил в лицо, остудил горящие щеки. Адриенна легко взбежала на приступочку над воротами:

— Кто вы такие?!

Уж кого бы не ожидал увидеть дан Бартоломео, так это симпатичную и совсем юную девушку. Тем более такую красивую. И как тут не приосаниться?

Как тут не выпятить мощную грудь, показывая, что он — о-го-го? Мужчина, защитник и вообще — герой!

— Дана Сиблевран?

— Да. А вы кто?

— Дан Бартоломео Леони, к вашим услугам, дана.

Адриенна и глазом не моргнула, словно имени его никогда не слышала.

— Рада видеть благородного дана в наших краях. Но что привело вас под стены моего дома с отрядом вооруженных людей?

Бартоломео даже кхекнул от неожиданности. Вот теперь его погоня выглядела как вооруженный налет. А король такого точно не одобряет.

— Дана, уверяю вас, я прибыл с миром!

Еще бы не с миром!

Десяти человек однозначно не хватит, чтобы вырезать весь замок. А когда это дойдет до его величества...

Лучше самому повеситься. Быстрее и безболезненнее будет. Вот недаром Филиппо Третий носил народное прозвище Змеиный Глаз.

Адриенна очаровательно улыбнулась. Выглядела она в этот момент как сказочная принцесса. Черные волосы, синие глаза, белые зубки... ах да! Самое лучшее в женщине — глупость!

— Дан, тогда я прошу вас о милости. Вы же не будете против, если мы предоставим кров, скажем, вам и еще троим вашим людям? А остальные отправятся в деревню? Просто... мы не рассчитывали на такое количество гостей.

— Что вы! — расплылся в улыбке Бартоломео. — Я буду вам очень признателен!

Он и трое людей! Нормально! Для охраны хватит, а договариваться все равно придется по-хорошему. Но в своей-то привлекательности Бартоломео был полностью уверен. А что?

Шикарный же мужчина!

Правда, сорока лет от роду, но зато осанистый, представительный... пусть лицо побито оспой, зато борода шикарная! А лысина... сейчас модно, чтобы высокий лоб! С залысинами! И глаза у него красивые. Глубоко посаженные, но взгляд пронзительный, острый... дамы

ценят! И даны, и эданны, а о простушках и говорить не приходится.

Конечно, и девчонка ему сопротивляться не сможет.

Бартоломео быстро выбрал троих человек и честь по чести заехал в ворота, которые открыл Марко. Спешился, бросил мальчишке поводья, подошел к Адриенне, поклонился и поцеловал ей руку:

— Дана. Мое почтение!

Адриенна чуть поклонилась в ответ:

— Дан, я рада вас видеть. Скажите, пожалуйста, эданны Леони ведь ваша родственница?

Бартоломео разублабался так, что борода на сторону поехала.

— О да! Моя невестка!

— Она сейчас у нас в гостях. — Адриенна чуточку понизила голос, потому что они приближались к замку. — С сыном.

— Да?

— Дан, вы же понимаете, здесь ее отец! — Адриенна помнила слова знахарки. Врать напрямую нельзя? Вот и не будем. Конечно, может, это и суеверия. А вдруг — нет? Вот Моргана же есть? А кому расскажи? Еще и не поверят! — И дан Рокко себя ужасно чувствовал, уезжая из столицы... сейчас ему, конечно, чуточку полегче, но он вчера только встал после болезни... вы же дадите дочери и отцу попрощаться?

Бартоломео довольно кивнул.

Ему все было ясно. Дан Вентурини при смерти, после чего Джачинта останется вообще без защиты. И ее щенок тоже. И поедут с ним домой как миленькие! А по дороге... мало ли что может случиться по дороге? Да что угодно! А сам Бартоломео может и вернуться... симпатичная же девушка. И, похоже, он ей очень нравится. Вон как глазками стреляет... Опасность?

Какие тут могут быть опасности?

Бартоломео последовал за Адриенной в замок...

* * *

Анжело оставался наверху, с матерью. А дан Рокко лично встретил гостя. Выглядел он... о, это волшебное воздействие мела, сажи и свеклы! Примененные в правильных дозировках, они из кого угодно умирающего сделают. А если еще натереть глаза луковицей, такая убедительная картина получится...

Дан Рокко еще и кашлял так, что Бартоломео аж отшатнулся. А вдруг чахотка?

Страшно же, даны!

— Дан Леони. — Дан Рокко использовал большую тряпку вместо платка. На тряпке кое-где были видны кровавые пятна, и Адриенна даже головой покачала. И где только взял? Не переиграть бы. — Рад видеть вас. Может, вы объясните мне, что за бред несет моя дочь? Ей что — молоко в голову ударило? Так вроде бы не беременная?

Бартоломео был готов.

Он расплылся в улыбке и собрался все описать, как Адриенна замахала руками:

— Дан Рокко, умоляю вас! Давайте сначала представим дана Леони, у нас так редко бывают гости... а еще... дан, наверное, вам хочется согреться? Я прикажу приготовить горячего вина с пряностями.

— Благодарю вас, дана. — Бартоломео окончательно расслабился. Все было хорошо и правильно, наследство брата от него никуда не уплывет, а сейчас можно и получить удовольствие.

Дана Адриенна ушла распоряжаться, а Бартоломео быстро познакомился с даном Марком, отцом милой даны. Потом с даном Леонардо, ее же сводным братом... Сусанна предусмотрительно не показывалась.

Она мужа уже уговорила, а пока лучше посидеть у себя.

Леонардо?

А Бартоломео его, собственно, и не видел. И видел бы — мог не узнать. Ребенок, подросток и юноша, считай, три разных человека. Фамилию свою Леонардо не произносил, а Бартоломео и не спросил. И так же ясно — разве не СибЛевран?

Так что общение мигом наладилось.

Дан Рокко ворчал, что дочь совсем с ума сошла, ребенка в зиму тащить... что уж ей там показалось?

Дан Марк поддакивал, что дочь так тяжело воспитать...

Леонардо расспрашивал о последних столичных новостях и каких-то знакомых. Бартоломео отвечал.

Потом Адриенна принесла кубки и очаровательно улыбнулась дану:

— Как и положено, хозяйка сама подает на стол. И, по обязанности, кубок для гостей...

Адриенна подняла тяжелый кубок на уровень глаз и демонстративно отпила из него. Трое людей Бартоломео его не оставляли, но им вино уже тоже поднесли. Служанка, конечно. Не дане же стараться для просто-народья?

Но тем не менее поднесла и демонстративно отпила по глоточку из каждой кружки... раз уж обычай. Охрана его бы и не соблюдала, но — почему нет? Если так спокойнее?

Бартоломео улыбнулся дане:

— Никогда бы не подумал, что столь юная дана так хорошо знает старинные обычаи.

— Я сам ее учил, — погордился дан Марк.

А что? За пятьдесят-то монет золотом? И жена довольна по уши, а когда жена довольна, она в постели такая... ух!

Дан Рокко раскашлялся.

Всего пара секунд. Пара несчастных секунд. Но их хватило с лихвой. И в кубке Бартоломео оказалась щепотка снадобья. Чего уж там?

Щепотку можно и между пальцами зажать, и растворится она быстро. Считай, мгновенно.

Полчаса?

Время пошло!

На этот раз к беседе присоединилась Адриенна. И вела ее честь по чести, уступая первое слово дану Бартоломео, а сама поддакивая в нужных местах.

Слово за слово, и вот уже десять минут, двадцать...

Видимо, или дан оказался покрепче, или вино послабее, или щепотка маловата, но накрыло его только через сорок минут. Когда дан Марк уже предложил дану Бартоломео сегодня устроиться в спальне на отдых, а завтра уж ему и невестку предоставят... или хотите сегодня?

Так давайте мы ее навестим вместе...

Еще бы Бартоломео не согласился.

По лестнице он еще поднялся.

И в комнаты дана Рокко вошел, и даже Джачинту увидел. А потом...

Уж кто его знает, что привиделось воспаленному разуму под влиянием трав? Но благородный дан внезапно приставил к голове пальцы на манер рогов, издал громкое мычание и ринулся вперед.

Джачинта с визгом отскочила подальше. Анжело она тащила за собой, но мальчик оказался и так не дураком — и тут же юркнул под кровать. А Джачинта, следуя материнскому инстинкту и уводя опасность от ребенка, как птица от гнезда, ринулась из дверей.

Так они по залу и проскакали мимо сопровождающих дана Бартоломео. Аж два круга.

Потом охрана опомнилась, скрутила несчастного, не давая причинить вред ни себе, ни окружающим, но мычать он продолжал.

— Дан?!

Адриенна виртуозно изображала ужас и удивление.

— Давно это с ним? — поинтересовался Леонардо.

— Все нормально было, пока ехали, — сообщил один из наемников.

— А как увидел невестку... может, это у него на Джачинту? — задумался дан Марк.

— М-м-у-у-у-у-у-у-у! — подтвердил дан Бартоломео.

— В таком состоянии мы его никуда не отпустим, — приняла решение Адриенна. — Давайте я вам выделю комнату, может, он поспит? А завтра или все нормально будет, и мы спросим дана или пригласим лекаря.

С этим согласны были все.

* * *

Поздно вечером Адриенна постучала в дверь дана Рокко:

— Все в порядке?

Дан Рокко впустил ее. Запер дверь. А потом поклонился и поцеловал Адриенне обе руки.

— Дана, вы чудо.

Адриенна даже чуточку смутилась.

— Спасибо, дан Рокко. Как Джас? Анжело?

— Все хорошо, дана. Они уже спят. Снадобье при вас?

— Вот, дан Рокко.

Маленький бумажный пакетик, в который Адриенна отсыпала полезную смесь, переключал из рук в руки. Завтра снадобье будет подмешивать не Адриенна. У наемников не должно возникнуть подозрений.

* * *

На следующее утро дан Рокко остановил служанку с завтраком, который та несла для наемников и для дана. Для дана, понятно, отдельно.

Заговорил... ну и — ловкость рук!

На этот раз щепотка трав высыпалась в яйца, варенные в вине. Тоже ничего и не заметно, а наемникам такое точно есть не по рылу.

Дан, который уже начал приходить в себя, с аппетитом позавтракал, а через полчаса и дан Рокко зашел. С Джачинтой.

На этот раз, видимо, для разнообразия, Бартоломео не мычал. Он кукарекал. Так что...

Наемники и не особенно ломались.

Но...

Дан Рокко долго извинялся перед Адриенной, но выбора-то не было. Они и так это знали.

Больше в столицу послать было некого. Леонардо? А кто он такой, чтобы его вообще король принимал? Да и доверять ему...

Может, он и сделает все как надо. А вдруг — нет? Дан Рокко сомневался, Адриенна не спорила.

Дан Марк никуда не поедет и не собирается.

Остается только сам дан Рокко. И отвезет дана Бартоломео, и к королю легко попадет, и представит ситуацию нужным образом.

Только вот это означает, что Адриенна остается, считай, без защиты. Конечно, он придет. И наведет порядок. Но это минимум — минимум! — два месяца. Пока туда, пока там, пока обратно...

И если еще успеет до весенней распутицы. А если нет, то все четыре месяца.

Адриенна это понимала. Но не бросать же Джачинту одну? И дана Бартоломео тоже... нельзя оставлять без заботы! Говорите, регулярный прием в течение месяца?

Вот и надо.

Дело очень полезное и богоугодное. Чтобы уж точно никто не вылечил.

Ровно через три дня дан Рокко, Джачинта, Анжело, дан Бартоломео, который никак не мог определиться, мычит он, мяукает или кукарекает, а также десять наемников и пятеро гвардейцев отправились в столицу.

Дан Рокко не хотел забирать гвардейцев, но тут уж его убедила Адриенна. Повлиять они не смогут ни на

что, а вот в случае с наемниками послужат какой-никакой, но страховкой. Прирезать старика, женщину и ребенка всяко проще, чем тех же старика, женщину и ребенка, но еще вдобавок к ним пять человек, знающих, с какой стороны за меч браться.

Да и гвардейцы...

Филиппо Третий очень ревниво относился к своим гвардейцам. Тщательный отбор, высокие требования... и обязательная месть за каждого убитого. Так что выбора ни у кого не было.

Адриенна, правда, оставалась без защиты. Но здесь и сейчас это было наименьшим злом. Не в лесу ведь на кочке, а в своем замке, в своем доме, в котором уже столько лет без всяких гвардейцев прожила. Ну, будет осторожнее, и хватит того. Дан Рокко рано или поздно вернется, но для этого ему надо доехать до столицы.

С Богом!

Мия

— Убить?

— Что в этом такого страшного, Миечка?

Голос дана Джакомо был ласковым и сладким, хоть ты на хлеб вместо меда намажь.

— Я не убивала раньше.

— Неужели? А как же та кухарка? Тот разбойник?

Мия пожалала плечами:

— Там я была в безвыходной ситуации. А здесь и сейчас — могу отказаться.

— А за тысячу лоринов?

— Каждому?

— Мия, побойся Бога!

— Дядя, вы меня как раз на смертный грех и уговариваете. Кому тут еще бояться надо?

Джакомо поджал губы.

Ну, так-то поглядеть — да. В Библии сказано однозначно: грешен и тот, кто убивает, и тот, кто соблазняет малых сих...¹

В законах проще.

Отвечать будет именно что заказчик. Убийцу можно уничтожить, только поймав на месте преступления, но потом — уже другой с него спрос. Он виноват, это есть. Но его соблазнили, а обстоятельства бывают разные.

К примеру, ради ребенка или близкого человека можно украсть, убить... много чего можно. Мия как раз подходит под эту категорию, так что взывать к Богу и совести бесполезно.

— Мия, это дорого!

Мия захлопала ресницами. По комнате аж ветер прошел, и дан Джакомо лишний раз подумал, что племянница растет удивительно красивой.

— Не знаю, не знаю... я правильно полагаю, что там все не так просто?

Дан Джакомо только вздохнул:

— Не так просто? Дико сложно...

Заказ был на дана.

Дан Берто Риккарди отличался хорошим состоянием, завидным здоровьем и любовью к уединению.

А вот его наследник — ну вовсе даже наоборот. Состояния у него не было, здоровье было слегка потрепано любовью к горячительным напиткам и гулянкам, а уединение...

Уединение наследничек признавал только в отхожем месте. И то не обязательно.

Конечно, денег у наследника при таком раскладе не было, были долги. И непутевый племянничек пообещал Комару примерно половину состояния дядюшки.

¹ Евангелие от Матфея, 18, стих 6. Относится не только к сексу, но и к противоправным действиям. (*Прим. авт.*)

Ему тоже оставалось примерно на три жизни вперед, но и Комар облизнулся.

А кто у нас тут самый-самый по убийствам?

Удав...

Подумал Джакомо да и принял заказ на дана Риккарди. Но ведь взять заказ — это даже не половина дела, это скорее объявление о намерениях. А как его убить?

Прислуга вся проверенная, охрана надежная, подобрать нет никакой возможности.

У Джакомо.

Посторонние в дом дана Риккарди не допускаются.

А вот Мия...

— И за такое жалкую тысячу лоринов? Дядя, вы — жмот! Мне надо по две тысячи на человека требовать!

Дядя поморщился, но понял, что Мия не уступит... сильно, и принялся торговаться. Сошлись на четырех тысячах лоринов, за которые от Мии требовалось выполнить достаточно сложную вещь.

У дана Риккарди есть в доме только одна женщина.

Кухарка.

Убирают мужчины, во дворе тоже мужчины... Но готовить так, как привык дан Риккарди, может только эта ньюра. Потому ее и держат.

Закупками тоже она занимается.

Вот на рынке ее и можно подменить на Мию.

Но...

Да, вот эти вечные проблемы.

Ну не умела Мия готовить!

Не умела!!!

Так, в рамках общепринятого. Могла сделать омлет, сварить кашу, поджарить мясо... а вот чтобы угодить взыскательному вкусу престарелого дана?

Нереально.

— Да, Миечка, я найму учителя... конечно, полностью ты изысканную кухню не освоишь, но несколько блюд приготовить сможешь.

— Откуда я знаю, что готовят для дана Риккарди?

— Племянник у него бывал, поделился.

Мия только за голову схватилась.

Понятно, кухарке проще всего и вернуться в дом, и приготовить, и яд подсыпать. Но простите, это ведь все на ее плечи ляжет?

И за какую-то жалкую тысячу лоринов такой риск? Дядя, может быть, полторы? На каждого из детей, понятно...

Джакомо взвыл, и торг начался заново.

Сошлись они на тысяче двухстах лоринах на каждого из Феретти. И Мия, скрипя зубами, поплелась на кухню. В том-то и дело...

Ладно еще помыть-почистить, но приготовить самостоятельно дичь? Соус аргесто? Сорбет? Петуха в медовом соусе? Ассорти из каплуна, откормленных кур, голубей, говяжьего языка и ветчины? Жареного павлина в соусе с фисташками?

Мия заскрипела зубами и отправилась учиться. А куда деваться?

Тысяча двести лоринов на каждого на дороге не валяются.

Так, на кухне, в чаду и жару, и застал ее Энцо.

* * *

— Сестренка!

— Энцо!!!

Мия плюнула (в переносном смысле) на сорбет и повисла на шее у брата.

— Как ты? Как поездка?

— Великолепно!

— Расскажешь?

В распутицу Паскуале и Энцо все же попали, хотя и самым краем. Пришлось поневоле задержаться. Но хороший купец всегда найдет чем поторговать.

Впрочем, о торговле Энцо рассказывать было не так интересно.

А вот про арайцев...

Про Адриенну СибЛевран...

Про...

Да в основном-то именно про них. Мия слушала и улыбалась. Кажется, ее брат в первый раз влюбился?

— А вы поедете туда на следующий год?

— Да, опять на предзимнюю ярмарку. Дядя обещал.

— И ты поедешь?

— Сначала, конечно, на Девальс. А уж потом... туда!
В СибЛевран!

— Купи дане Адриенне подарок, — поддразнила брата Мия.

— И куплю. Спрошу у Паскуале, что именно приличествует, и куплю! — фыркнул Энцо. И тут же посерьезнел: — Мия, нам надо с тобой поговорить.

— А мы что делаем?

— Ты не поняла. Я проверил свой счет в банке.

Мия скрипнула зубами. Не учла, да... Но кто бы мог учесть?

— Откуда деньги? — прямо спросил Энцо.

И что тут было отвечать? Мия выбрала полуправду:

— Дядя мне платит.

— Такие деньги?! За что?!

— Надеюсь, ты не разболтал это Паскуале? Или Фредо? — встревожилась Мия.

— Нет. Но я хочу знать, — сдвинул брови Энцо. — Я твой брат. Я сейчас старший в роду. Я говорю с Джакомо, если это что-то... неподобающее...

Мия вздохнула.

Сложный вопрос. Подобают ли благородной дане кражи и убийства? Вроде как нет, но если присмотреться к королевскому двору повнимательнее?

Мия считала, что она в сравнении с придворными вообще невинный ангелочек.

Только вот как признаешься в этом Энцо?

И тут ее осенило. Врать? Ну, так и врать!